

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Свиданий не будет

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Свиданий не будет / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

«Свиданий не будет» — это закулисные интриги и коррупция в судебной системе, это «алиби правосудия», ложные обвинения и оправдательные приговоры преступникам, подкуп, шантаж, угрозы и скрытая от постороннего взгляда сторона обычных на первый взгляд процессов. Таково новое дело «господина адвоката» Юрия Гордеева...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1. КЛЮКВА КРУГЛЫЙ ГОД	6
Глава 2. ДОЧЬ АДВОКАТА	11
Глава 3. О ПРОФИЛАКТИКЕ ПОРАЖЕНИЯ ЭЛЕКТРОТОКОМ	19
Глава 4. И ВСЮДУ СТРАСТИ РОКОВЫЕ...	23
Глава 5. ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ КОМПАНИИ «СИБИРЬ — ЕВРОПА»!	28
Глава 6. МАЛЕНЬКАЯ ДОРОЖНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ	34
Глава 7. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ	40
Глава 8. СЕРАЯ ЗОНА	44
Глава 9. ТАМ, ГДЕ ЧИСТО, — СВЕТЛО	50
Глава 10. ОБЕД БЕЗ ДЕСЕРТА	54
Глава 11. БЕЛЫЙ ХАЛАТ ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ	60
Глава 12. ПРОПАВШАЯ КАССЕТА	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Фридрих Незнанский

Свиданий не будет

*Недоговоренная мысль всегда интереснее высказанной до конца;
кроме того, она дает простор воображению...*

Петр Пороховицков (П. Сергееч). Искусство речи на суде

Глава 1. КЛЮКВА КРУТЛЫЙ ГОД

— Ну? — спросил он. Двери распахнулись...
М. Булгаков. Роковые яйца, XI

Есть множество способов разделить человечество. Первым, как и положено, это сделал Господь Бог во времена строительства известной башни в городе Вавилон. С той стародавней поры люди без устали продолжали это занятие, находя все новые и новые причины для того, чтобы не быть вместе. Но быть и совсем врозь им не очень-то нравилось — так появлялись неожиданные, а иногда забавные союзы, непредусмотренно возникавшие вне общественных доктрин и государственных интересов.

Одни носят усы и бороду, другие бреют лицо; одни любят плавать, другие боятся воды, как огня, хотя, может быть, как раз огня, пламени они не боятся. Одни не могут обойтись без очков, другим они не нужны даже в старости. Одни — завзятые шахматисты, другие — неисправимые картежники. Человечество делится на рыжих и всех остальных, самовлюбленных и не уверенных в себе, музыкальных и с ушами, отдавленными медведем...

А еще известно: часть человечества начинает день с чашки чая, а часть — с чашечки кофе. Есть, конечно, также любители какао и жаждущие опохмелиться, но и эти, пожалуй, не столь многочисленные группы граждан могут быть поделены между чайниками и кофейниками.

Член Московской городской коллегии адвокатов Юрий Петрович Гордеев, бесспорно, принадлежал к числу убежденных поклонников напитка, завезенного на Русь из монголо-китайских пространств еще во времена царя Михаила Федоровича, то есть три с половиной века тому назад. Он полюбил чай с детства, оказавшись верным другом-чаевником своему деду, старому московскому адвокату Павлу Яковлевичу Шорникову. Собственно, за чаем дед отводил душу в воспоминаниях, так и не успев узнать, что внук кроме особых рецептов заварки чая перенял у него веру в вечную предназначенность судебного защитника — несмотря ни на что, по слову поэта и вместе с ним призывать милость к падшему, к преступнику.

Но сегодня утром знание дедовских секретов заварки чая Юрию Петровичу не требовалось. Гость, с вечера находившийся в квартире Гордеева, наутро пожелал кофе, чем несколько смутил хозяина. Распахнув дверцы кухонного шкафа, он обнаружил, что банка для кофе, отесненная коробками и шкатулками с разнообразными чаями в самый угол, пуста. Не сразу вспомнил Гордеев, что все домашние запасы кофе были выпиты другой его гостьей пару недель назад... да тогда было не до того, что и как они с ней пили...

Гордеев улыбнулся невольным воспоминаниям и вздохнул: последующей встречи со страстной любительницей кофе пока не состоялось: лето — кто на дачах, кто на морях, кто...

Как последнюю надежду достал он кофемолку и — о радость! Все правильно: гостья начала молоть оставшиеся зерна, но так музыкально нажимала на кнопку, так перекачивала цилиндр агрегата в своих ладонях с длинными пальцами, что господин адвокат потянулся к вилке, выдернул ее из штепселя и...

— Тебе повезло, Елисей! — крикнул Гордеев в сторону ванной. — Получишь свой кофе. Здесь как раз на одну джезvu хватит.

Гораздо чаще, чем романтические встречи, в холостяцкой квартире Юрия Петровича происходили непредусмотренные посиделки, пирушки и попросту ночевки появлявшихся ни с того ни с сего московских гостей. В столице всегда были проблемы с гостиницами: раньше невозможно было снять номер, теперь — дорого, а друзей, приятелей и тех, кто считал себя друзьями и приятелями Гордеева, у него всегда хватало. И хотя, по неписаному правилу профессии, Юрий Петрович старался избегать домашних отношений со своими клиентами, не

только в период ведения дела, но даже с бывшими, после завершения процесса, правила — одно, а жизненные обстоятельства — совсем другое.

Сегодняшний же гость — случай совсем особый (правда, их и нет — не особых, если поразмыслить немного). Елисея Юрий знал с университетских лет, и каждая встреча с ним оставляла что-то в памяти. Не обязательно полезное. Просто запоминающееся.

Елисей вышел из ванной. Что он там делал — непонятно. Шума воды в душе не было слышно, негустая бороденка Елисея свидетельствовала, что бритвенные принадлежности гостю тоже не понадобились. Глаза, наверное, промыл — да и ладно, подумал Гордеев, доставая из холодильника масло и колбасу.

— Кофеек — это неплохо, совсем неплохо, — сказал Елисей, усевшись за стол. — Слушай, может, у тебя и сливки есть? Ну молоко, на худой случай.

Гордеев был не из тех людей, которые умеют неустанно удивляться всему подряд. И может быть, потому он и не тяготился никогда встречами с Елисеем, что тот мог его удивить, и делал это непрестанно.

Елисей появился к нему вчера вечером без копейки денег. То есть без копейки, рубля, ста рублей, не говоря о двух тысячах, которые стоит жетон в метро или троллейбусный билет. Столько же стоит жетон телефонный: последние тысячи Елисей потратил именно на него — дозвонился до бывшего однокашника, убедился, что тот дома, и приехал. В метро контролерша его пустила уже Христа ради: что говорил ей Елисей, осталось неизвестным, но Гордеев знал, что, если бы без денег попытался попасть за турникет и он, Елисею пришлось бы давать ему фору: почему-то здесь адвокатское красноречие и опыт работы в прокуратуре уступали жизненному опыту недоучившегося юриста. Билет на троллейбус или автобус Елисею был не нужен: Гордеев жил в двух шагах от «Краснопресненской». Впрочем, и здесь: попытайся они прокатиться зайцем, Гордеев попался бы уже через остановку, а Елисей заморочил бы головы целой бригаде контролеров.

Вместе с тем, в отличие от Гордеева, который никогда не сидел без денег и не только умел их тратить, но и зарабатывать, проблема денег, или, как он говорил, пропитания, для Елисея была вечной и совершенно от него неотделимой. Он был ровесником Гордеева, более того, они родились в один день и год, что тоже, возможно, поддерживало их знакомство, но, в отличие от Юрия Петровича, который после университета ограничил свое трудоустройство прокуратурой и адвокатурой и места работы менять не собирался, Елисей, наверное, и сам не мог уже вспомнить, сколько их у него, этих самых мест работы, в трудовой биографии было.

И при этом стоило Елисею перейти из привычного ему пространства неустроенности и безденежья в более или менее благополучную среду, как он мгновенно преображался и просил, если не сказать — требовал своего: кофе! и чтоб со сливками...

— Увы, Елисей, чего нет, того нет, — развел руками Гордеев. — Молоко только в виде масла. Само по себе не пью, покупаю его только для овсяной каши, но это в демисезонные времена года.

В ожидании кофе Елисей намазывал маслом кусок подсушенного в тостере хлеба, одновременно жуя своеобразный бутерброд, который он соорудил из двух кусков сыра, разложив между ними кружки колбасы.

— А джема у тебя тоже нет? — спросил он, завершив укладывание застывшего масла на хлеб.

— Сейчас лето, зачем? — удивился Гордеев, придвигая сахарницу ближе к гостю.

— Да не пью я с сахаром! — досадуя сказал Елисей. — А про лето ты зря. Если не фрукты, то ягоды надо есть круглый год. У нас на севере мы клюкву, например...

— А у нас не север, а Москва. — Гордеев достал из кухонного шкафа большую проволочную вазу-финифть, наполненную конфетами. — Вот тебе вместо клюквы. Какие-то карамельки. Ирис, по-моему, тоже есть.

— А помнишь, я тебе клюкву привозил? — продолжил Елисей.

— Помню, конечно. И калину ты привозил, и морошку...

— И еще привезу. — Елисей копался в конфетнице, выкладывая на стол некоторые приглянувшиеся ему конфеты. — Вот видишь! — вдруг воскликнул он. — Ты, наверное, и сюда давно не заглядывал. Молоко-то у тебя есть.

В пальцах у Елисея был квадратный пакетик с надписью «Аэрофлот».

— Хоть сухое, а все же...

Гордеев был несколько растерян.

— Верно, молоко. Но я не помню...

— Летал, что ли, куда?

— Да я немало летаю, но...

— Небось не только по СНГ.

— Да, — рассеянно проговорил Гордеев. — Недавно летал в Германию... Может, приватил из самолетного обеда.

— Как чувствовал, что мне понадобится. — Елисей вновь взялся за нож и продолжил свою обычную мелодию: — Вот, в Германию летаешь... Во Франции бывал, в Англии...

— В Соединенных, понимаешь, Штатах... — поддержал тон Гордеев, но сделал это почти машинально, думая о другом.

— А я дальше Череповца никуда не заезжал, — не принял подсказки Елисей. — Квартиры не нашёл. Семьи нет. Здоровье никуда...

— Лис, мы же давным-давно уговорились, что проблемы быта не обсуждаем. Только бытия. — Гордеев налил себе чаю, заваренного по способу, взбадривающему, если пил накануне водку или что другое крепкое. — Кому нравится кофе, кому — чай, и каждый пьет свое пиво.

— И пива приличного я давным-давно не пил. — Елисей никогда не останавливался на полпути. — Как там в Германии с пивом?

— Пустой вопрос, — не остался в долгу Гордеев. — Ты в чем-то сомневаешься?

— Я не был в Германии, — повторил мысль Елисей и взялся за пакетик, найденный в вазе Гордеева.

Надорвал его и приготовился высыпать содержимое в чашку.

— погоди! — вдруг резко сказал Гордеев. — погоди! дай его сюда!

В его голосе было нечто такое, что Елисей послушно замер, а затем протянул ему пакетик.

— Нет! — Гордеев даже убрал руки под столешницу. Потом вытащил левую и взял ею стоящее рядом с ним блюдце — ближе к левой, потому ее и протянул. — Положи на блюдце!

Елисей, помедлив, и при этом очень осторожно проделал требуемое и только затем спросил:

— А что произошло?

Гордеев вздохнул:

— Пока ничего.

Он взял блюдце и, поднеся его к глазам, стал рассматривать пакетик. Потом он его даже понюхал.

— Скажи серьезно, Елисей, без дураков, ты вправду любишь кофе с молоком?

— Юра, если что-то происходит, то я даже не стану добавлять, что я больше люблю кофе со сливками. Но и с молоком люблю.

— И этот пакетик ты видишь в первый раз?

— Что ты имеешь в виду?!

— Только то, что не ты притащил мне его в дом, это самое сухое молоко, а затем разыграл всю эту историю. Не ты?!

— Ну, конечно, не я. Какой смысл?

— Да, конечно, смысла никакого нет.

— Но что случилось?

— Ты знаешь, Елисей, в целом — ничего. Но молоко оказалось испорченным. Наверное, я его привез не из Германии.

— Гораздо раньше?

— Ну конечно. Я же много езжу.

— И летаешь. — Пить кофе без молока, очевидно, действительно доставляло мало удовольствия Елисею. — Может быть, ты со своими европейскими санитарными нормами слишком строг, а мне сгодится? — Он было потянулся к блюду с пакетиком, но, натолкнувшись на взгляд Гордеева, отвел руку.

— Ты знаешь, Елисей, к сожалению, у меня сегодня не так много времени. Точнее, совсем нет времени... Дело в том, что я должен встретиться сейчас с одним человеком, я могу ему помочь. Но ты же понимаешь, беседа конфиденциальная.

— Гонишь? — почти не шутливо спросил Елисей.

— Гонят вечером, Лис, — вздохнул Гордеев. — Скажи лучше, у тебя паспорт в порядке?

— То есть в полном порядке.

— Прописка?

— Теперь они называют это регистрацией. Я зарегистрирован в Вологодской области.

— Не в Москве?

— Это в прошлом. Рассказать?

— Нет, Елисей. В другой раз. Я вправду начинаю гореть со временем.

— Смогу сегодня переночевать?

— Не знаю. Не знаю. Скорее всего, нет. Неизвестно, где буду сегодня вечером.

— Может, ключи мне оставишь? Я аккуратно.

— Не обижайся, Елисей. Сегодня не оставлю. Допивай кофе.

— Ну смотри, Гордеев. — Елисей вылил остатки кофе из джезвы в чашку, залпом выпил и встал, уцепив заодно пару конфет из вазы. — Потеряешь друга — с кем останешься? С клиентами?!

— Довольно тебе, Лис, шутить. — Юрий Петрович зачерпнул из вазы целую пригоршню конфет и высыпал их в сумку Елисея, которая лежала возле стола. — Возьми и не обижайся. Все будет нормально. Бывают же обстоятельства.

— Ладно, ладно. — Елисей подхватил сумку и протянул ее Гордееву... — Насыпал, как маленькому. Хорошо ли проверил: может, еще один пакетик испорченный найдешь?!

Юрий Петрович в сумку заглянул — и сделал это не потому, что инстинктивно последовал предложению гостя: он действительно на всякий случай убедился еще раз, что пакетиков больше нет.

— Угостил бы лучше сигаретой, — сказал Елисей уже от дверей.

— Держи, — протянул ему Гордеев пачку «LM». — Что открыта — не обидишься?

— Будущее покажет, — сказал Елисей, берясь за ручку двери. — Да, не сочти за вымогательство. Тысяч двадцать не одолжишь? Я, собственно, за тем и шел.

Гордеев хотел дать Елисею пятьдесят, но понял, что этого не следует делать. Только двадцать. Удачно, что в бумажнике было несколько пятерок.

— Не последние? — осведомился Елисей, принимая купюры, и, не ожидая ответа, хотя Гордеев пробормотал: «Не самые», продолжил: — Скоро верну. Может, тогда расскажешь про пакетик...

— Если бы только в пакетике было дело, — сказал хозяин квартиры, запирая за гостем дверь.

Но проделав эту необходимую процедуру, Юрий Петрович проследовал на кухню, где незамедлительно обратился к дальнейшему изучению пакетика. Из швейцарского ножа был

извлечен пинцет, затем зубочисткой из этого же ножа Гордеев, придерживая пакетик, полез в разрыв, достав из нутра несколько белых порошинок, которые он тщательно обнюхал, а затем лизнул языком.

После чего дважды прополоскал рот, быстро поставил блюдо с пакетиком в небольшую кастрюлю, прикрыл ее и спрятал в шкаф, откуда перед этим кастрюлю извлек.

Затем Гордеев так же быстро вытащил из портфеля записную книжку, полистал ее и набрал номер.

— Александр Борисович? Это Гордеев говорит... Да. Юра. Уж такими судьбами... Вы не могли бы ко мне в гости заглянуть?... Нет, сегодня. Сейчас... Чем раньше, тем лучше... Я понимаю, утром в гости не ходят, но вы сломайте традицию... Я буду безмерно рад. Записывайте адрес... Ах, помните?!

Поговорив со старшим следователем по особо важным делам Генпрокуратуры Александром Турецким, своим бывшим шефом в следственной бригаде Генпрокуратуры, где он прокантовался два года, Юрий Петрович Гордеев почувствовал, что растерянность, охватившая его еще недавно, отступила. Он быстро убрал с кухонного стола продукты, вымыл всю посуду, затем, пройдя в гостиную, где спал Елисей, убрал все следы его пребывания, после чего стал прогуливаться по своей двухкомнатной квартире, насвистывая какую-то оперную мелодию и при этом оглядывая стены, мебель, письменный стол...

То, что Юрий Петрович позвонил именно Турецкому, не было случайностью. Происходящее в это утро, а точнее сказать, и в предшествующие дни требовало серьезного и достаточно подробного разговора с опытным человеком, заслуживающим абсолютного доверия. Два года работы в следственной бригаде Турецкого побудили Гордеева обратиться именно к нему как к старшему другу.

Поэтому, когда раздался звонок в дверь и на пороге квартиры появилась фигура Турецкого, Гордеев не стал делать долгих вступлений. Поздоровавшись со следователем и проведя его на кухню, он спросил Александра Борисовича, любит ли тот кофе с молоком.

— Я люблю коньяк с лимоном, — в тон отвечивал Турецкий и добавил чуть серьезнее: — Но не в такое время. То есть не в утренних гостях.

Глава 2. ДОЧЬ АДВОКАТА

*Л о р д Д а р л и н г т о н. Вы знаете, мне кажется, хорошие люди
приносят много вреда в жизни...*

О. Уайльд. Веер леди Уиндермир, I

— Принято, — согласился Гордеев. — А расположены ли вы по утрам к диетическому питанию?

— С похмелья — да, — успел вставить Турецкий, а Юрий Петрович уже доставал из шкафа кастрюльку и продолжал, не поддерживая шутку; он понимал, что Турецкий, интуитивно точно предчувствуя серьезность разговора, хочет шутками создать атмосферу свободного обсуждения: — Я хочу предложить вам молоко. Правда, сухое.

Он приглашающе поднес кастрюльку уже усевшемуся за кухонный стол Турецкому:

— Прошу.

Турецкий поднял крышку и заглянул:

— Любопытно.

Потом потянул носом и повторил:

— Весьма любопытно.

Гордеев поставил кастрюльку на стол и аккуратнейшим образом извлек из нее блюдо с пакетиком, повторив:

— Прошу.

Турецкий проделал с пакетиком примерно те же филигранные действия, что и Гордеев незадолго до этого, затем вздохнул, с грустью посмотрел на Гордеева и спросил сочувственно:

— Кокаинчик-то откуда?

— Так, значит, это все же кокаин! — воскликнул Гордеев. — Все же кокаин, — повторил он возбужденно и едва не схватил пакетик пальцами, но все же удержал занесенную над блюдцем руку.

— А вы думали, что это не молоко, а сливки? — с иронией спросил Турецкий, ожидавший, разумеется, пояснений.

— Думал: героин, — серьезно сказал Гордеев. — Впрочем, мои познания в наркотиках, как выяснилось сегодня, с профессиональной точки зрения совершенно недостаточны.

— Ну и я тоже не могу сказать с точностью, что за порошок оказался в этом милом пакетике, — успокоил собеседника Турецкий. — Экспертиза покажет. Однако, насколько я понимаю, вы, Юрочка, пригласили меня потому, что обстоятельства, при которых эта штука попала к вам в кастрюльку, выглядели несколько странно. Вы явно не на улице его нашли...

— Увы, — вздохнул Гордеев. — Когда обнаруживаешь наркотики в собственной квартире, хочется быть правильно понятым. И понятым без понятий и протоколов изъятия.

— То есть я нужен вам затем, чтобы принять вашу добровольную явку с повинной. — Может, потому и пригласил Гордеев именно Турецкого разбираться в обстоятельствах этого утра, что еще при первоначальном знакомстве почувствовал и оценил живость ума Александра Борисовича, его умение оторваться от формальной логики и в то же время не терять почвы под ногами. — Ну что ж, рассказывайте все, как было.

И Гордеев рассказал Турецкому, как был обнаружен пакетик среди конфет в вазе. Но рассказал не все: из рассказа исчез, начисто исчез Елисей. Дед, Павел Яковлевич, развлекая и увлекая Юру историями из своей многолетней практики, не раз обращал внимание внука на то, что во всяком деле существуют обстоятельства, которые к делу никакого отношения не имеют, но, как правило, осложняют расследование и часто пускают это расследование по ложному пути. Да, говорил дед, эти обстоятельства могут сказать немало о психологии действующих

лиц, иногда вывести на другие двусмысленные случаи и даже преступления, но все же фантазии надо давать укорот и не доверять принципу: улика к улике, как, впрочем, и принципу: деньги к деньгам.

Юрий Петрович ко времени разговора с Турецким был убежден, что Елисей лишь нашел пакетик в конфетной вазе, а не подложил его. Дело даже не в том, что подкладыватель обычно не становится обнаруживающим лицом. То, что в пакетике, скорее всего, находится кокаин, проясняло очень многое. Это и следовало рассказать Турецкому, а не то, почему люмпен-интеллигент Елисей Осинин не может начинать очередного дня своих умственных скитальчеств без кофе с молоком. Совпадения для того и существуют, чтобы мы на них не обращали внимания, — в этом Гордеев был убежден до глубины души.

— Начнем *ab ovo*. — Турецкий перешел на латынь, язык лекарей и юристов, но лишь затем, чтобы вновь вернуть свою мысль в формы шести падежей, двух склонений и слов-паразитов, которыми зачастую ощущения выражаются тоньше, чем при помощи, скажем, нового сладостного стиля. — Пакетик аэрофлотовский. Все же, может быть, после посещения фри-шопа в Берлине и покупки с последующим опорожнением одной-двух пластиковых флажек виски на борту, так сказать, воздушного судна вы, Юрочка, непроизвольно прихватили молочко для, как мы установили, возможности утреннего опохмела и все дело в этой подробности? Мало ли: выпили — не закусили, а пассажирка на соседнем кресле была так очаровательна... Вы уверены, что случайно не оказались в числе наркокурьеров?

— Из Берлина в Москву?! — криво усмехнулся Гордеев. — Не то направление. — Но он готов был обсудить и этот вариант, чтобы окончательно его отвергнуть. — Действительно, я купил в берлинском фри-шопе бутылку джина «Beefeater», ликеры — «Balley» и датский вишневый, польскую «Зубровку»...

— Удивительно многообразный вкус, — вставил Турецкий.

— Вишневый ликер отвез маме, «Зубровку» с приятелем выпили. — Гордеев не стал, естественно, уточнять, что приятелем был Елисей, который даже не обратил внимание, что пьет не кристалловскую «Зубровку», а польскую — с длинной травинкой кумарина в бутылке. — Джин стоит в баре. Готов распить его с вами, Александр Борисович. Но только после того, как мы выясним, как прилетел в мою конфетницу этот якобы аэрофлотовский кокаин. А во время полета я выпил только немного рислинга, который развозили стюардессы, да и прекрасной спутницы рядом не оказалось. Сидел между лысоватым немцем, кажется, бизнесменом средней руки, и каким-то угрюмым нашим дедом, которому, верно, не очень-то понравилось в Германии, впрочем, его понять можно... Нет, пакетик сюда кто-то внес.

— Кто? Когда вы наполнили эту вазу конфетами?

— Я ее не наполнил, я ее пополняю. Но дело не в наполнении вазы. Я убежден, что пакетик появился в ней в течение последней недели, не раньше.

— Юрочка, не тяните время, объяснитесь.

— Я, Александр Борисович, намеренно рассказываю с подробностями, чтобы вы меня останавливали в сомнительных местах. Там, где нужно насторожиться.

— Ну что же, давайте настораживаться вместе. Значит, было какое-то событие, раньше которого пакетик не мог оказаться в вазе? Какое? Подозрительный визитер?

— Да, визитер был. Но не подозрительный, а очень даже милый и трогательный. И не здесь в квартире, а в моей консультации.

И Гордеев, не торопясь, подливая Турецкому вновь заваренный чай, от которого «важняк» не отказался, рассказал следующее.

Летом в юридической консультации номер десять на Таганской улице, 34, где работал Гордеев, жизнь тянулась медленнее, чем в прочие сезоны. Москвичи разъезжались на отдых, по дачам, а приезжие зачастую отправлялись решать свои проблемы в более известные и удобные места. На прошедшей неделе Юрий Петрович пришел на дежурство в юрконсультацию, не

только начиная страдать от навалившей с утра жары, но и оттого, что в жаре придется сидеть весь день, время от времени изматывая себя консультациями на приеме граждан. И хотя Гордеев был специалистом по уголовному праву, летом, в пору отпусков, нередко приходилось вести гражданские дела.

В приемной, ожидая его появления, сидело трое: седовласый мужчина в старой рубашке-финке, джинсовый парень и рядом светловолосая девушка с печальным лицом, хотя его выражение не могло скрыть миловидных черт. Есть такие лица, которые хороши не только в радости. Гордеев мог бы подумать, что парень и девушка пришли вместе, но, пока проходил через приемную, понял, что это не так: парень сосредоточенно перелистывал бумаги в довольно толстой папке, а девушка в это время сидела, глядя прямо перед собой и вцепившись в маленькую сумочку, которую держала на плотно сдвинутых коленях. Бывает, что пришедшие в юрконсультацию люди, ожидая своей очереди, заводят разговор между собой, но это происходит в случаях с делами гражданскими — жилищными, наследственными... Парень, что потом и подтвердилось, хотел получить дельные советы по вопросам финансовых взаимоотношений со своим партнером по фирме. При подготовке к обсуждению корпоративных дел не до разговоров с девушками, даже самыми хорошенькими. Седовласый, он по очереди был первый, мучил Гордеева минут двадцать рассказом о внуке, который, женившись, совершил с ним многоступенчатый обмен, в итоге которого дед переселился с улицы Воронцово Поле в Ново-Косино.

Впрочем, о конфликте дедов и внуков и о том, какие советы давал он седовласому истцу, Гордеев забыл через несколько минут после того, как к нему в кабинет вошла светловолосая девушка.

Работа в адвокатуре не располагает к разгулу эротических эмоций. Роскошная на вид клиентка, войдя, может, отверзнув уста, рассказать такое и так, что захочется не то что получить причитающийся тебе гонорар за консультацию, но дать гонорар ей, чтобы ушла и не появлялась на глаза не только ему, но и тем людям, с которыми она собирается судиться. В погасших глазах другой посетительницы вдруг мелькнет призрак прежней, счастливой ее жизни, тех дней, когда она любила и была любима, до того дня, когда все разрушило Дело. Дело, с которым она теперь пришла к адвокату.

В неписаной классификации женщин-посетительниц, которая за время работы сложилась у Гордеева, вошедшая девушка должна была занять высокое место. Она была так хороша, что было непонятно, почему ее никто не сопровождает. Причиной тому могла быть только серьезность и щепетильность дела, с которым она пришла. Но хороша она была не за счет ухищрений, которые позволяет применить современная мода и косметология, а природной красотой и статью. Конечно, Гордеев давно заметил: приходящим в консультацию мало дела до своего внешнего вида, но все-таки нередко появлялись игруньи и игроки, раскручивающие, пытающиеся раскрутить свои сценарии, в которых отводили достаточно серьезное место адвокату, причем, как правило, совсем не то, на которое предназначал себя он.

Здесь история оказалась проще, но простоты, уводящей в бездны, из которых не выбраться живым.

Девушка назвалась Лидой Андреевой. Родилась и выросла она далеко от столицы, уже за Уралом, в довольно большом городе Булавинске. Три года назад, после окончания школы, приехала поступать в Московский университет, но не прошла по конкурсу. Но сейчас тот, кто хочет учиться, без образования не останется. Были бы деньги. Вместе с отцом, известным в Булавинске адвокатом, Лида отправилась по разным вузам. Выбрали наконец исторический факультет Нового гуманитарного университета, где Лида и стала учиться. Конечно, это учение было платным, рассказывала Гордееву Лида, и отцу пришлось больше работать, браться даже за такие дела, от которых раньше отказывался.

Но это предыстория. Еще полмесяца назад, еще вчера все было, казалось, если не прекрасно, то вполне хорошо. Да, именно полмесяца назад Лида виделась с мамой, которая через

Москву ехала на отдых в санаторий. Встреча была короткой, из аэропорта в аэропорт, но мама была спокойной, дела у отца шли успешно, без особых проблем — иначе она бы не отправилась подлечить почки на воды. Правда, после того как уехала мама и Лида переговорила с отцом, он больше не звонил ей, хотя прежде делал это не реже двух-трех раз в неделю. Тогда Лида стала звонить отцу домой сама, но телефон не отвечал. Дозвонилась одному из отцовских приятелей, тот сказал, что накануне говорил с отцом по телефону и тому вроде бы в связи с делом, которое он вел, приходилось куда-то выезжать по области. «А области там у нас, — вздохнула Лида, — вы, наверное, помните какие, даже если не бывали: одна равняется четырем Франциям, другая — трем Германиям, да и в нашу пол-Европы влезет запросто. Но все же ведь можно позвонить и из командировки, верно?» Так, в нарастающей тревоге, шли дни. Уже в волнении звонила из санатория мама. Лида кое-как успокоила ее, а сама уже была готова мчаться в Булавинск. Останавливало только то, что еще не все экзамены летней сессии были сданы.

Но вот вчера, рассказывала Лида, на квартире, которую для нее снимал отец, раздался телефонный звонок. Звонил ее бывший одноклассник, школьный приятель Володя Иноземцев. Попросив ее не волноваться, он тут же сказал, что ее отец попал в тюрьму. Было не очень хорошо слышно, но Лида в конце концов поняла, что отец, конечно, не совсем в тюрьме, но действительно арестован и посажен в следственный изолятор. О предъявленных ему обвинениях Иноземцев ничего точно не знал, но в таких городах, как Булавинск, и слухи, и правда расходятся быстро.

Как считал Иноземцев, подлинной причиной ареста Бориса Алексеевича Андреева было его участие в деле одного из журналистов местного телевидения, которого некоторое время назад арестовали по обвинению в сбыте наркотиков. Андреев взялся защищать его и вскоре стал находить факты, которые утвердили его в мысли: дело сфальсифицировано. Так говорили Иноземцеву люди, которым можно доверять. Но по городу уже несколько дней расходилась молва: Андреева арестовали потому, что он, желая спасти клиента, то есть журналиста, якобы попытался дать взятку председателю городского суда Каблукову.

— И знаете, — рассказывала Лида Гордееву, — то, что Каблуков, мягко говоря, не шарается от барашков в бумажке, в городе не было большим секретом. Ну не было у него репутации неподкупного Робеспьера. Интересно другое. Хотя я не верю, что мой отец пойдет на дачу взятки, я готова ради разбора этой истории предположить такое. Ну, допустим, только мысленно допустим, что мой отец решил стать посредником в передаче взятки, деньги для которой собрали родственники этого злополучного журналиста. Если давать взятку, то наверняка, правда?

— Ну правда, — согласился Гордеев.

— Но взяточник (а я именно от отца знаю, что Каблуков — взяточник) взятку не принимает.

— Мало дал, — сказал Гордеев и, увидев в глазах девушки засверкавшие молнии, поспешно добавил: — Я помню, мы только проигрываем предполагаемую ситуацию.

— Вы, Юрий Петрович, тоже адвокат, — сказала Лида, — я хотела бы положиться на вас как на коллегу моего отца, которого я не только люблю, но которому верю: он честный профессионал. Адвокаты, как врачи, знают много такого, о чем не говорится в компаниях или с экрана телевизора. И вы, думаю, понимаете: адвокат лишь тогда передаст взятку должностному лицу, когда она будет принята. Такую взятку, которая будет принята.

— Согласен, — сказал Гордеев, удивившись зрелости рассуждений этой совсем еще юной девушки.

— Да, я уверена в этом, ведь отец — предполагаем — шел не к какому-то неизвестному судье, а к своему старому знакомому. И поверьте, не к врагу.

— И что же делает этот «не враг»?

— Иноземцев сказал мне, что, узнав о готовящемся преступлении, Каблуков связался с прокурором...

— Погодите, погодите, Лида, — остановил рассказ Гордеев. — Что значит: «готовящееся преступление»?

— К сожалению, я лишь пересказываю вам то, что узнала от Иноземцева. А он сам не многое знает. Кроме того неопровержимого факта, что папа в следственном изоляторе.

— Да... Ну и что делает честный судья, связавшись с прокурором?

— Они обращаются к начальнику милиции...

— И он?

— ...и он, узнав о готовящемся преступлении, дает команду арестовать моего отца.

— Каким образом? На основании чего? Они взяли его с поличным?

— Я не могу этого представить.

— Но тогда, Лидочка, получается, что ваш соученик рассказал вам какой-то сюжет, под стать таким, что гнездятся в чернушных детективах в ярких обложках, наводнивших наши прилавки. Я понимаю, у этих горе-писателей иссякла фантазия, да и желание оглянуться на более добросовестных детективщиков, но все же в жизни истории развиваются более складно. Как можно уважаемого, известного в городе человека, опытного юриста, члена областной коллегии адвокатов, арестовать по подозрению в намерении дать взятку. В наши-то дни!.. Если это все так, как вы рассказываете, то вам не ко мне надо было приходиться, а в редакцию какой-нибудь газеты — в «Известия», в «Независимую»... Впрочем, если вы согласны, я готов пойти с вами к журналистам, помочь разобраться...

— Вы знаете, — сказала Лида, — во-первых, я договорилась, что сдам последние экзамены досрочно и смогу через неделю улететь в Булавинск. Во-вторых, сейчас мне просто нечем оплачивать ваши услуги. За эту консультацию я смогу рассчитаться, но, если вы возьметесь за защиту моего отца на следствии, то есть разберетесь во всем, гонорар за участие в следствии, а возможно, и в суде сможет впоследствии выплатить вам только он. Если выберется... — Как она ни сдерживалась, губы ее задрожали. — Если он выберется из этой проклятой тюрьмы, в которую его упек Каблуков со своими друзьями.

Гордеев, как мог, успокоил ее. Он сказал, что считает попросту своим корпоративным долгом поддержать коллегу в тяжелой ситуации.

— Помогите, помогите нам. — Лида схватила Гордеева за руку. — Отцу нужен именно столичный адвокат, хотя в Булавинске и в области у него много коллег-приятелей. Но ведь провинция — это особое пространство, в ней все связаны. Друзья отца вам, конечно, помогут, но любому местному адвокату будет труднее защищать отца, чем вам.

— Даже такому молодому, как я? — усмехнулся Гордеев.

Она не обратила на эти слова внимания.

— Вы сразу посоветовали обратиться в газеты, в «Известия». У вас здесь Генеральная прокуратура, Верховный суд, Президент... А у нас... Володя рассказал: подсунули этому тележурналисту несколько пакетиков с кокаином в сумку — и все, он — преступник, распространитель наркотиков!..

В этом месте рассказа о встрече с дочерью арестованного адвоката Турецкий прервал Гордеева:

— Погоди, погоди. Я вижу, вы, Юрочка, про эти пакетики вспомнили не случайно.

— Конечно, не случайно. Лида упомянула, рассказывая, что журналиста арестовали в аэропорту, когда он собрался лететь в Москву. Пакетики нашли при досмотре, когда он уже шел на посадку.

— Замаскированные под молоко?

— Этого я не знаю. Но после сегодняшних дел почти уверен в этом. Под молоко, под соль, под перец — что там еще дают к обеду в воздухе?

— Горчицу.

— Ну нет, думаю, не под горчицу, хотя, Александр Борисович, хотел бы я узнать некоторые подробности упаковки кокаина в городе Булавинске!

— Придется узнать. Теперь никуда не денешься. Кстати, а где девушка?

— Обещала звонить мне сегодня вечером или завтра утром. После того как сдаст последний экзамен.

— До чего вы с ней тогда договорились?

— Просила меня вылететь с ней в Булавинск, разобраться на месте. А у меня, скажу честно, неожиданно после затишья выдалась сумасшедшая неделя. Мотался в Тверь, там вокруг людей из Универсалбанка немало сюжетов закрутилось, потом на даче у мамы потолки качаться стали...

— Главное, чтобы крыша не поехала!

— Если так пойдет, как сегодня утром, — запросто! Словом, хотя, Александр Борисыч, скажу честно, и понравилась мне девушка, ничем за эту неделю я ей помочь не смог, и мне она, судя по автоответчику, тоже не звонила... Но посудите сами, чтобы отправляться в Сибирь, надо здесь как-то дела привести в порядок.

— Да, ехать придется. И узел какой тугой вам подсовывается: суд, прокуратура, милиция, адвокатура, да еще и наркотики с воздушной символикой. Это уже в двух шагах от ФСБ получается.

— Прямо как в романе.

— А вы не шутите, Юрий Петрович. Вернемся к пакетику. Что предполагаете?

— Пока предполагаю. А что, если было примерно так: Булавинск — крупный промышленный центр, хотя город не областной. Рядом алюминиевые заводы, миллиардные доходы. Журналистам из провинции просто так наркотики не подбрасывают. Видных адвокатов за намерения дать взятку должностному лицу даже в провинции сейчас не арестовывают. Думаю, этот безымянный пока для нас журналист занимался чем-то большим, нежели критика какой-то торгово-полууголовной группировки, которая снабжает Булавинск, скажем, куриными окорочками и фальсифицированным коньяком «Белый аист», делая навар на разнице цен и подкупе санитарных врачей, закрывающих глаза на качество, условия перевозки и хранения.

— Пожалуй.

— Ну и Андреев, вникнув в его дело, оказался опасным свидетелем. Настолько опасным, что они, понимаете, пока неясные «они», стали пасти и его дочь. Так что, когда Лида пришла к нам в консультацию, у нее кто-то висел на хвосте...

— Так, так, хотя, Юрочка, что за выражение «у нее на хвосте»? Ваша Лида, надеюсь, не ведьма, коей хвост присвоен от природы...

— Александр Борисович, вы думаете, что все это мои домыслы? Но как объяснить пакетик?!

— Нет, нет, Юрочка, все очень серьезно! Я просто хочу, пошучивая, окончательно освободить наше воображение от пут. Помните, кто-то из великих физиков говорил: эта гипотеза недостаточно безумна, чтобы быть истинной? А мы чем хуже этих ядерщиков и лазерщиков?!

— Тогда я доскажу. Дело в том, что Лида была последней в очереди, клиентов на приеме больше не было, и я, чтобы хоть как-то ее успокоить и поддержать в одиночестве... — Взгляд Гордеева натолкнулся на понимающую улыбку Турецкого, но он не сбился в интонации и продолжил: — ...я пригласил ее посидеть где-нибудь поблизости, выпить кофе, хотя я кофе, вы знаете, не очень люблю... Ну вот, посидели в летнем кафе близ Таганской площади. Она действительно пила кофе, я выпил бутылку пива... Говорили о том о сем, я старался отвлечь ее от истории с отцом, спрашивал о ее учебе, об истории, как ее сейчас изучают в университетах, тем более в таких коммерческих, как тот, где она учится... Кафе небольшое, несколько

столиков... Кто-то приходил, кто-то уходил, парни какие-то сидели за соседним столиком, я был к ним спиной... Впрочем, пасти можно и из машины...

— Значит, предполагаете, что «они» стали пасти и вас тоже?

— А что «им» остается делать? Узнать мой адрес — дело техники. Пробраться в квартиру для профессионалов, несмотря на мою двойную дверь с, как меня уверяли, надежнейшими итальянскими замками (во второе определение верю), — раз, ну, два раза плюнуть. Положили пакетик — это вроде как «черная метка» из «Острова сокровищ» — предупредили, мол, не суйся в это дело, парень.

— Что-то замысловато.

— Да потому и замысловато, что дело это ба-а-альшими деньгами пахнет. Наркотики защитникам борцов за реабилитацию жертв сталинских репрессий сегодня уже подкладывать не будут. Они мне загодя сигнал дали: одного за наркоту посадили и тебя, будет нужда, посадим. Правда, немного не учли того, что в конфетницу, которая на виду стоит, я редко заглядываю. Для гостей держу. И сегодня, в общем, случайно его нашел — вдруг чайку с ириской захотелось, как в детстве.

— А гостей, значит, случайных за это время не было? И кстати, вы уверены, что этот пакетик — единственный в вашей квартире?

— Гости случайных не было, а полностью в том, что пакетик был один, конечно, не совсем уверен.

— То-то и оно! Как вы знаете, по закону этот пакетик должен быть передан в местные правоохранительные органы. Кроме того, без возбуждения следственного дела никакие экспертизы не проводятся! А дело это подследственно местной прокуратуре и милиции. Так что извините, Юрочка, но как «важняк» я должен буду переадресовать его вниз, так как это не дело...

— Шутите? — печально спросил Гордеев.

— Отнюдь. Просто стремлюсь остаться в правовом поле, — подмигнул Турецкий. — А пакетик этот будет не худо передать мне с небольшим сопроводительным письмом. Берите бумагу и пишите — я продиктую.

— Думаете, надо? — переспросил Гордеев, принеся из комнаты несколько листов бумаги. А ручка лежала здесь же — на столе.

— А что делать? Надо подстраховаться. Когда бывший и. о. генерального прокурора оказывается за решеткой, молодого адвоката отправить в камеру по соседству не составит никакого труда. А разбираться в том, на каком основании вы получили возможность ознакомиться с библиотечными фондами следственного изолятора, мне будет сложнее, если вы покинете эту уютную холостяцкую квартирку. Так что пишите, Юра, пишите.

— Пишу.

— На мое имя: «Старшему следователю по особо важным делам Генпрокуратуры РФ Турецкому А. Б. от члена Московской городской коллегии адвокатов Гордеева Ю. П. Заявление». Написали? Теперь коротко, без подробностей: «Сообщаю, что сегодня утром в вазе для конфет я обнаружил пакетик, происхождение которого и обстоятельства его попадания в мою квартиру мне неизвестны. Так как у меня есть основания подозревать, что в этом пакете находится наркотик, прошу Вас («Вас» — с большой буквы, помните это правило бюрократической орфографии, Юрочка?) возбудить уголовное дело по данному факту и провести соответствующие экспертизы и другие необходимые следственные действия. Обнаруженный пакетик прилагается». — Так, хорошо. Прибавьте еще: «Не исключаю, что в моей квартире могут находиться и другие не принадлежащие мне предметы, подложенные с целью моей компрометации, в том числе и наркотики. В случае их обнаружения прошу считать это заявление одновременно и просьбой о моей правовой защите от провокаций неизвестных преступников». Вот теперь все. Подпись. Число.

Турецкий взял заявление, завернул злосчастный пакетик в другой лист:

— Перестрахуемся. Возбудим дело и передадим его в МУР, Грязнову. Пусть проведут экспертизу по наркотику, а там посмотрим. А вы, дорогой мой, информируйте меня, без уныния и лени, обо всех новостях. А пока подумайте все же над тем, как это, — Турецкий похлопал себя по карману куртки, где лежали гордеевские «презенты», — оказалось в вашей квартире. Если, конечно, в замок не влезали чем-то нехорошим.

— Конечно, подумаю. Уже думаю.

— Ну, побежал. К сожалению, неотложные дела, не могу непосредственно помочь вам в вашем дедуктивном дискурсе. — Турецкий направился в прихожую, но вдруг обернулся: — А в Булавинск все же поедете?

— Хороший вопрос. Хотя, мне кажется, вы знаете ответ. Я ведь любитель острых ощущений. Появись в Булавинске, жизнь у меня будет там не скучная. То есть если я отказываюсь от защиты Андреева, значит, предупреждение принято и пакетика с меня было довольно. А если нет — зачем марафет зазря разбрасывать? Найдут для приезжего что-нибудь поинтереснее.

— Знаешь, Юра, — Турецкий перешел на «ты», что свидетельствовало о его переходе к особой доверительности. — Я ведь тоже любитель острых ощущений. И мне тоже хочется поехать в Булавинск.

— Поедете еще, — вздохнул Гордеев. — Если я не справлюсь. Но людям, которые воровски влезли в мою квартиру, со мной придется несладко. Хотя бы они сожрали всю вот эту конфетницу.

Глава 3. О ПРОФИЛАКТИКЕ ПОРАЖЕНИЯ ЭЛЕКТРОТОКОМ

*Чем больше уделять внимания совпадениям, тем чаще они
происходят.*

В. Набоков. Занятой человек

После того как ушел Турецкий, Гордеев налил себе еще чаю и стал рисовать на чистом листе бумаги незамысловатую схему.

Ключи. Их у него было три комплекта. Один — всегда с собой, второй — у старшей сестры, третий...

Но надо выяснить со вторым. Он взялся за телефон, набрал рабочий номер отдела НИИ, где работала — или, как она любила говорить, прозябала — сестра.

— Пожалуйста, Валентину Петровну... Вава, это Юра. Прости, ты на прошлой неделе меня не навещала?... Ну когда я в Тверь ездил... Совсем-совсем?

— Так дети на даче, зачем же?... — сказала на том конце трубки Валентина Петровна, и Юрий Петрович сразу понял то, что она не договорила, поскольку в комнате с ней были еще сослуживцы. — Зачем же я поеду к тебе, объясняла ему сестра, если и дома у меня никого нет.

Любимая и единственная сестра Гордеева не коллекционировала мужчин. Но как-то так получилось, что в свои совсем еще молодые годы она была матерью трех детей, рожденных в законных браках от трех разных мужей. В эти месяцы у нее развивался бурный роман с кандидатом на участие в четвертом бракосочетании Валентины, или попросту Вавы, как с детства звали ее все, включая и получающих отставку мужей. Задержка в оформлении отношений была лишь в том, что новый избранник Вавы, в отличие от своих предшественников — холостых-неженатых, был с первой женой в фактическом разводе и в настоящее время предпринимал усилия по превращению этого фактического развода в юридический.

— И подруг твоих у меня в эти дни не было? — на всякий случай спросил Гордеев, хотя в этом был уверен после двухгодичной давности случая, когда Вава еще пребывала в третьем браке. Устраивая судьбу своей приятельницы, Вава стала давать ей ключи от квартиры брата, когда тот был в отъезде. И однажды приятельница оказалась в гостях у отсутствующего Гордеева с третьим мужем Вавы...

Юрий Петрович хмыкнул и попрощался с сестрой, оставив ее в некотором недоумении.

Теперь надо было разобраться с третьим комплектом ключей. Его Гордеев оставлял кому... или как эта должность у них там называлась? Домовым хозяйством у них заведовала еще не старая, крепкая женщина с командным голосом, Анна Савельевна. Всю жизнь проработала она завхозом в детском саду и вот, выйдя несколько лет назад на пенсию, неожиданно обрела особое уважение у жильцов дома, в котором жила много лет. Поистине слово «хозяйство» стало главным в ее судьбе, и она немало сделала для того, чтобы провести сквозь штормы перестроечных и постперестроечных лет родную обитель целой и невредимой, да еще с ремонтами и с надежными домофонами.

Ключи Анне Савельевне Гордеев стал вручать с недавних пор и по собственной воле. Сделал выводы после происшествия в соседнем подъезде, когда в квартире отсутствовавших жильцов прорвало трубу горячей воды, и, пока удалось наводнение прекратить, накануне роскошно отремонтированная квартира этажом ниже была возвращена в свое первоначальное — до ремонта — состояние, если не хуже.

Гордеев посмотрел на часы — он знал, что Анна Савельевна в рабочее время была точна в своем расписании, как кремлевские куранты. Можно идти.

Юрий Петрович запер квартиру и отправился в служебку, которая находилась в полуподвале дома.

Анна Савельевна действительно была там — и, так удачно, одна. Возилась с какими-то ведомостями.

— Что не на даче, Анна Савельевна? — спросил домоуправительницу Гордеев после приветствия.

— Да как же, Юрий Петрович, на дачу, когда с послезавтра воду горячую отключают на профилактику? Надо людям напомнить, чтоб проверили, а то как бы опять потопов не произошло. А на даче бываю... У меня ж у сына «Жигули», — сказала она с гордостью. — А вы что, опять уезжаете? Да я догляжу за вашей квартирой, догляжу. И ключи-то вы у меня с прошлого раза еще не забрали.

— Нет, я чуть позже уеду, через несколько дней. Просто спросить хочу: на той неделе, когда я в Твери был, никто ко мне не приезжал? Может, искал меня. Вот приятель один должен был мне несколько книжек завезти.

— Нет, Юрий Петрович, никто. Если б книжки или вещь какую, я бы взяла для вас.

— Хорошо-о, — протянул Гордеев. — Хотя, знаете, если он мне эти книжки не привез, то уж и не привезет долго. В Аргентину уехал. В командировку. На три года.

— А книжки-то ваши были? — сочувственно спросила хозяйственница.

— Нет, это новые книжки, наши, юридические, он просто обещал мне купить... Не было, наверное... Ну да это теперь не проблема. — Гордеев махнул рукой. — Куплю сам. А вообще-то, Анна Савельевна, больше мне никто никаких посылок и пакетов привозить не должен. Так что вы ни от кого ничего для меня не принимайте.

Управительница вопросительно посмотрела на господина адвоката.

— Ничего страшного, — объяснил Гордеев. — Вы же меня знаете не первый год, Анна Савельевна. Просто некоторые мои клиенты иной раз хотят меня отблагодарить чересчур щедро. Подарки всякие присылают, а поскольку я не люблю всяких таких частных подношений, пытаются сделать это через добрых людей, вот таких, как вы, например...

— Понимаю, — кивнула домоуправительница. — Так им и посоветую — с вами лично договариваться.

— Только так, — кивнул Гордеев. — Ну, ключи пусть у вас остаются, а я, когда поеду в командировку, вас предупрежу. Присмотрите, если что. Ну и сестру вы мою, Валентину, тоже знаете, так что при необходимости ей звоните, телефон знаете.

— Знаю, — кивнула Анна Савельевна и, уже распрощавшись с Гордеевым, который шагнул к выходу, вдруг окликнула его:

— Юрий Петрович! Мы тут заговорились, но сказать надо: я ведь в квартире вашей была! Гордееву пришлось сделать усилие, чтобы, резко обернувшись, не выкрикнуть:

— Когда?

Но он взял себя в руки и произнес рассеянным тоном:

— Наверное, опять кто-то водопад между этажами устроить пытался?

— Да нет же! Свет погас! Аккурат как вы в Тверь уехали, к вечеру. В вашем подъезде как раз и погас. Мы звонить в «Мосэнерго», а уж вечер, я же и говорю. Да и жильцы бегать ко мне начали. Но приехали быстро...

— Удивительно! В наше время! Вечером! Когда «скорую помощь» по часу ждут...

— Да, наверное, кто-то из жильцов дозвонился. Я-то не смогла. А ребята какие предупредительные — быстро все исправили, свет зажгли, а потом еще заставили меня квартиры проверить, где жильцы в отсутствии, все ли там в порядке после того, как свет отключился, а затем вновь зажегся. Говорят: холодильники такие есть, что, если напряжение в сети скачет, отключается, загореться могут, задымить.

— Это верно. Хотя у меня холодильник надежный вроде. «Розенлев». Финский. Хороший. И новый к тому же.

— Так-то оно так, однако и импортные горят. Вот недавно мы с сыном на дачу ехали, а на Профсоюзной, напротив Палеонтологического музея, магазин холодильников горел. Импортных!

— Ну, это поджог, наверное. Хотя Бог с ними, с холодильниками! У меня-то все в порядке в квартире было?

— Вы не думайте, Юрий Петрович, я не одна ходила. Шпильфера Зенона Абелевича с собой взяла и соседа его, Баулина Володю, он инженер.

Очевидно, председатель домового комитета ветеранов, бодрый старик Шпильфер с массивной наградной колодкой, которую он носил даже на летней тенниске, и неудачник по жизни, инженер оборонки Баулин были для Анны Савельевны самой надежной силой для противостояния предполагаемым авантюристам или более серьезным преступникам.

— А у меня, как надеюсь, все было в порядке?

— Конечно, слава Богу. Вы не думайте, Володю я на лестнице оставляла, Зенон Абелевич с электриками ходил, смотрел, как они выключателями щелкают, и я рядом.

— Это правильно. А все же: скажите, пожалуйста, Анна Савельевна, подробнее, как они проверяли выключатели в моей квартире?

— А что-то не так?

— Нет-нет, все так, просто ведь вы, наверное, видели, у меня телефон с автоответчиком и прочими наворотами, факс, компьютер... Все это нежнее, чем холодильник, и вроде бы кое-что у меня записалось плохо, пока я ездил.

— Я же и говорю: свет погас. А ребята аккуратные, да еще под нашим с Зеноном Абелевичем приглядом. Володя, как сказала, на площадке. Я дверь отперла. Вошли. Заглянули в комнаты. Ребята, кстати, хотели вилки из штепселей вытащить — ну, от всей электроники вашей, но я не разрешила. Поскольку никакого пожара нет, то и трогать не следует. Но они все равно велели вам сказать — как же это я забыла?! — что, когда уезжаете куда-то, все электроприборы отключайте. От греха подальше!

— Понятно. Отключу. А в компьютер они не лазали?

— Разве позволила бы? Потом на кухню прошли, там они тоже всю вашу электронику осмотрели, но и на кухне все в порядке было.

— Даже микроволновая печь?

— Неужели не работает?

— Работает! Просто, видно, ребята эти — основательные очень. Они адреска не оставили?

— Что-то я в толк никак не возьму, Юрий Петрович, — заволновалась домоуправительница. — Неужели дома у вас все же что-то пропало?

«Лучше бы пропало», — подумал Гордеев, но при этом сказал совсем иное:

— Я, Анна Савельевна, попросту удивляюсь, насколько добросовестны эти электрики! Из государственной организации и молодые, как вы говорите (хотя про возраст визитеров собеседница мало что сообщила). Удивляюсь и при этом интересуюсь уже: хочу небольшой ремонт сделать, кое-что из электроники моей поудобнее переставить, чтобы эти самые электромагнитные поля подальше от меня находились. И если эти ребята толковые, я бы их пригласил...

— Толковые, толковые, даже на щитке пощелкали рубильниками, а нас с Зеноном Абелевичем заставили все лампы включать — мало ли что!

— И гриль проверили?

— Да, что-то они там крутили. И гриль, и этот ваш... тостер, что ли?

— Ростер.

— Да я в них не понимаю...

— А обед они для пробы не захотели приготовить? — почти сорвался Гордеев.

— Вот зря вы смеетесь, Юрий Петрович. Мы кроме вашей еще в три квартиры входили, и всюду они тщательно... У Епифанцевых, например, видеоманитофон на запись был настроен, так они кассету на всякий случай вытащили, а у Ардатовых стиральную машину обесточили и воду перекрыли.

— И у меня воду проверяли?

— Обязательно. Мне даже показалось, что один из них где-то офицером служил. Сейчас сами знаете, как бывает, демобилизовали без пенсии — и отправляйся, куда хочешь. Очень обстоятельные.

— Ну, хорошо. А по телефону они никуда не звонили?... А то у меня там какие-то номера непонятные в запоминающем устройстве остались.

— Нет-нет. Никуда не звонили. Может, это что-то нарушилось, когда свет отключался?

— Вероятно. Но все же связаться с ними как-то можно? Вот вернусь из командировки, и все равно никуда от ремонта не деться...

— Думаю, вполне можно. Аварийку Михаил Кондратьевич вызывал, я у него спрошу...

Михаилом Кондратьевичем она величала своего добровольного помощника — доцента-пенсионера, преподававшего многие годы историю КПСС, а теперь восстанавливавшего недостаток общения за счет работы на благо дома, хотя порой Гордееву казалось, что он находится при Анне Савельевне не только по хозяйственным, но и по более лирическим причинам. Говорили, что жена покинула экс-доцента лет десять назад, дети выросли, и он имел полное моральное право делать новые попытки по устройству личной жизни. Гордеев уважал Михаила Кондратьевича за вьедливость, но по этой же причине держался от него подальше: профессиональный лектор не мог удержаться, чтобы не вовлечь любого собеседника в обсуждение политических проблем. Особенно радовался он, обнаружив, что с его точкой зрения не соглашались. А точка зрения у него на политику всегда определялась передовицей газеты «Правда», некогда выходившей семь раз в неделю; теперь же, когда «Правда» стала размножаться делением и возникла даже «Правда-5», Михаил Кондратьевич стал страстным читателем не только всех этих «Правд», но и тех газет, которые гордо именовали себя патриотическими. «Сейчас я вас распропагандирую!» — восклицал Михаил Кондратьевич и начинал свою атаку всегда с одной и той же фразы: «Согласитесь, что идея коммунизма сама по себе прекрасна, вот только воплотить ее как следует пока не удалось!» После такого вступления даже самые говорливые оппоненты ветерана политпросвещения чувствовали некоторые неполадки в речевом аппарате. Старался попросить прощенья уже в начале подобных дискуссий и Гордеев.

Однако он мог быть уверен, что Михаил Кондратьевич точно помнил, кому он звонил и с кем разговаривал.

Прощавшись с Анной Савельевной и условившись, что он еще заглянет к ней до отъезда, Гордеев отправился домой.

Было ясно, что во время столь тщательного осмотра электроаппаратуры и проводки в его квартире можно было подложить не только пакетик с кокаином, но, пожалуй, и посерьезнее вещи.

«Они», как можно предположить, этого пока не сделали.

И на том спасибо.

Глава 4. И ВСЮДУ СТРАСТИ РОКОВЫЕ...

Тогда исполнилось гордое сердце девушки гневом, и она решила отомстить.

Братья Гримм. Шестеро слуг

Прежде чем записать коротко то, что он узнал от Анны Савельевны, Гордеев проверил автоответчик телефона. И не зря: оказалось, ему звонила Лида.

Сессию она сдала (радости в голосе не слышалось) и была готова лететь в Булавинск. Спрашивала: не передумал ли он, Юрий Петрович? И если не передумал, просила позвонить ей домой после трех дня.

Гордеев не передумал. Более того, события последних часов вызвали у него хорошо знакомое ощущение, которое он однажды стал называть рабочей злостью. И даже составил в связи с этим небольшое теоретическое пояснение. Злость сама по себе, трактовал Гордеев, качество скверное, глупое а, может, и мерзкое. Нельзя злиться на стечение обстоятельств, на прихоти или какие-то черты характера людей, которые тебя окружают, не следует злиться на явления вообще, если они тебя прямо не касаются, а лишь не нравятся почему-то. Однако, если покушаются на то, что составляет твой образ жизни, твою суверенность, твоё достоинство, не только можно, но и должно разозлиться. Разозлиться — и уж врезать так врезать. Чтобы раз и навсегда отвадить. Но врезать не грубо, а красиво и сильно. Как и положено человеку его интеллектуальной профессии.

Вот такое состояние подготовки к самозащите-возмездию и называл Гордеев рабочей злостью. Он ощущал его приход мгновенно по тому, что начинало казаться: внутри, правее и глубже сердца, появлялась небольшая, но очень тугая пружина, и пружина эта словно поднимала тело над землей, лишала его ощущения веса и вместе с тем приводила в готовность к любым, самым сложным делам — ради того, чтобы после завершения дела вновь вернуться во вполне им, Юрием Петровичем Гордеевым, заслуженное состояние молодой жизнерадостности и разнообразных желаний, серьезных и не очень.

Гордеев включил компьютер, вставил дискету и набрал на экране простое слово: «Дневник».

Не однажды вспоминал он добрым словом то, что, когда в девятом классе отказался ходить в музыкальную школу и окончательно сменил фортепьяно на гитару, мама, Елена Павловна, отправила его на курсы машинописи.

— Если мой сын глух к подлинному искусству, значит, он не может не быть прагматиком, — сделала вывод мама. — А поскольку умение быстро печатать на машинке еще никому не помешало, от клавишей тебе не отвертеться.

В учебном комбинате Гордеев оказался единственным парнем, но через несколько месяцев занятий прочно занял место в первой тройке по скорости. Девчата на курсах были веселые, без выпендрежа, острые на язык и почти поголовно курящие. И Гордеев втянулся, беря сигарету — за компанию, после чего бросал курить лет пятнадцать, пока не покончил с этим делом окончательно. Здесь же, среди машинок и сигарет, пережил юный Юрий Петрович и первую свою «лав стори», о которой время от времени вспоминал до сих пор. Собственно, сердечное и, так сказать, телесное увлечение и прервало его образование по специальности «машинистка-делопроизводитель». Елена Павловна еще кое-как мирилась с табачными ароматами, исходившими от одежды сына, однако, хотя так и не узнав всего, но материнским чутьем о главном догадавшись, увела сына с курсов, сказав, что полученных умений ему вполне хватит в жизни.

В общем, и здесь она была права: Гордеева скорость печати никогда еще не подвела, а его первая возлюбленная, жительница подмосковного Калининграда, который она упорно называла Подлипками, преподавала ему поистине бесценные уроки поведения тет-а-тет, так что впоследствии переучиваться не приходилось — только совершенствоваться...

Пересказав компьютеру происшедшее с ним и в его квартире, Гордеев переписал свой «дневник» еще на одну дискету и, сделав в тексте кое-какие сокращения, вновь взялся за телефон.

Друг, адвокат Вадик Райский, был на рабочем месте, и Гордеев договорился с ним пересячь «на стрелке». Жаргон — великая вещь, хотя бы потому, что, обращаясь к нему, сэкономишь время, а главное, слова. Ведь в жаргонном слове содержится несколько слов обычных.

— Ну что, Юрий Петрович? — спросил сам себя Гордеев, посмотрев на часы. — В моем распоряжении почти час. Не хочешь ли ты...

Зазвенел телефон.

«Лида? Нет, не она».

— Слушаю вас.

— Здравствуйте. Это Юрий Петрович?

— Да. Слушаю вас.

— Мне ваш телефон дали в консультации юридической. Марина Юлиановна дала. Сказала, что вы помочь можете.

— А в чем дело? — Действительно, Марина работала секретарем в их консультации, и если она вправду дала кому-то домашний телефон Гордеева, который для нее был то Юрием Петровичем, то Юркой и «змеем подколодным», значит, действительно дело выглядело незаурядным. Правда, Марина, ценя Юрия Петровича как профессионала, нередко, проникшись очередным замысловатым криминальным или гражданским сюжетом, могла отправить клиента к Гордееву, совершенно не думая о том, какая сумма гонорара светит адвокату.

— Понимаете, я сестра... То есть с моей сестрой произошло... Ну, кто мог подумать? — В трубке начались всхлипывания, и Гордеев, которого события этого дня заставили быть настроженным, стал успокаивать звонившую, хотя имел основания предположить, что этот звонок был не просто звонком. После пакетика с героином и не то можно было бы придумать. Однако все же решил послушать... Тем более что проверить не так сложно. Позвонить Марине, в милицию, в прокуратуру...

— Пожалуйста. Что, собственно, случилось?

— Моя сестра... Кто мог подумать! Пришла домой, а они лежат... Ну, она и схватила нож, то есть два ножа...

— Кто лежит? Зачем ножи?

— Да любовники лежат. — Голос в трубке стал тверже. — Муж ее, Виталька, и любовница его, думали, не придет она. А она пришла и за нож схватилась... А там два ножа было...

Слушая рвущийся от всхлипов и рыданий рассказ, Гордеев понял следующее.

Муж сестры звонившей привел в квартиру подружку. А жена, то есть сестра, в это время была на работе, а поскольку она работала кассиршей в гастрономе, и довольно далеко от дома, все казалось шито-крыто. Однако, возможно — тут уже Гордеев домисливал, — сестра-жена испытала какую-то тревогу, заволновалась и сделала то, чего ни в коем случае не должна была делать на рабочем месте в нынешние времена — хлебнула во время обеденного перерыва чего-то горячительного, благо она работала среди спиртного и закусок. Но и закуска не помогла — администратор отстранил ее от работы. Конечно, здесь уже возникали другие сюжеты — связанные с конфликтами и страстями, которые тлеи и горели в гастрономе, но это уже вне обстоятельств данного дела.

Словом, в то время как муж любил свою подружку на супружеском ложе, его юридическая, но в данный момент не фактическая жена в несколько взволнованном состоянии приближалась к дому.

Вероятно, страсть, а может быть, и свойственная мужчинам беспечность не подсказали коварному изменщику, что использование минимального средства безопасности — дверного засова — не является трусостью, а лишь становится способом избежать многих внутрисемейных конфликтов. Так или иначе, разгоряченной малой дозой спиртного и достаточно крепкой административной выволочкой жене пришлось дойти до точки кипения при виде мужа, отдыхающего, держа в объятиях голую девицу. Обнаженность осквернительницы супружеского ложа потрясла, как понял Гордеев, не только нетрезвую жену, но и ее сестру, несколько раз, не иначе как со слов мстительницы за свою поруганную честь, повторившей при рассказе эту подробность...

«Гулять так гулять! — подумал-прокомментировал Гордеев, оправдывая потерпевших, а не ту, которую его просили защищать. — Что ж им в июне заниматься любовными состязаниями в калошах и с зонтиками?!»

Недолго думая, жена схватила попавшиеся ей на глаза два ножа и вонзила их в тела возлюбленных. Эта подробность — именно два ножа, а не один — также показалась Гордееву любопытной. Откуда же взялись два ножа рядом в комнате, не в кухне — в спальне, очевидно?

Он спросил сестру. Она не знала. Два ножа — может быть, они закусывали незадолго до прихода жены — или задолго, какая разница, главное, ножи оказались как нарочно наготове, причем один согнулся при ударе о ребро блудливого мужа.

Проведя акт возмездия, жена вызвала милицию и «скорую помощь», и вот теперь эротоманы валяются чуть ли не под капельницами, но в разных палатах, а отомстившая за свою поруганную честь жена, к тому же протрезвевшая, сидит в камере для временно задержанных. И хотя, по словам сестры, милиционеры относятся к ней хорошо — «и уважают», пару лет лишения свободы она очень и очень вполне даже может получить, как просветили ее бывалые люди из тех, с которыми ей теперь приходится общаться.

Дело, несмотря на всю его бытовуху, заинтересовало Гордеева. Он почувствовал, что здесь ему могут открыться какие-то интересные подробности, которые не мог бы и предположить. Если, конечно, это не интриги тех же людей, которые начали роиться вокруг него. Интриги пока непонятные.

— Знаете что, — сказал Гордеев, — к сожалению, я сейчас не могу заняться делом вашей сестры. Обратитесь еще раз к Марине Юлиановне, она посоветует вам другого адвоката. — Он показал язык в телефонную трубку. — Я ей тоже позвоню. Не переживайте. Дело вашей сестры не безнадежно. Тут состояние аффекта, а это смягчающее обстоятельство!

— Но Марина Юлиановна вас рекомендовала, — повторила настойчивая сестра.

— А я и не отказываюсь. Просто сейчас лето, и даже у адвокатов могут быть свои планы, — туманно ответил Юрий Петрович, вновь показав язык телефонной трубке.

Трубка всхлипнула.

— Есть ведь и у адвокатов отпуска, путевки, планы, которые трудно изменить. В конце концов, у нас в юрконсультации все адвокаты — профессионалы своего дела (в этом Гордеев не был убежден, но есть корпоративная солидарность), и вам обязательно помогут. И потом я всегда могу при необходимости поддержать коллегу. Дайте мне ваш телефон...

Женщина продиктовала номер, по которому Гордеев предположил ее местожительство.

— Сестра у вас тоже в Химках? — спросил звонившую.

— Нет, — не удивившись, ответила она. — Она живет в Сокольниках.

— Хорошо. Попросите Марину Юлиановну, чтобы она подыскала вам еще кого-то.

— А кого бы вы посоветовали?

Фигушки, подумал Гордеев. Никаких советов. Никаких фамилий.

— Трудно сказать. Сейчас лето, как я сказал, отпуска и тому подобное. Да вы не переживайте, — вновь стал успокаивать он, услышав очередной всхлип в трубке. — Думаю, у вашей сестры немало смягчающих обстоятельств, хотя то, что она немного выпила, не очень здорово.

— Но вы понимаете, когда она вызвала милицию, то взяла из бара... ну, домашнего бара в стенке бутылку водки и выпила. Выпила еще...

Гордеев понял, что сейчас откровения сестры покусительницы на убийство окончательно перейдут за опасную черту, к которой при телефонных разговорах даже не следует приближаться.

— Извините, я до сих пор не знаю вашего имени-отчества...

— Клавдия Васильевна.

— Так вот, Клавдия Васильевна, все подробности дела вашей сестры следует обсудить подробно, действительно с адвокатом, а не вот так вот, на бегу, то есть это я бегу. Повторяю — держитесь, сестру при свидании успокойте, а пока все обстоятельно расскажите тому адвокату, которого предложит вам Марина Юлиановна.

Как знать, может, этот звонок был без подвохов. Подвохов со стороны провокаторов с пакетиком. Марина схулиганила. Она вполне могла подсунуть это дело ему именно потому, что уже не раз в минорные периоды их все не кончающегося романа говорила нечто в том духе, что падет блудливый кот Гордеев от руки какого-нибудь мстителя за поруганную честь... Вот пока что и предложила вдуматься в сюжет с мстительницей...

Однако, к сожалению, вдумываться сейчас в эту пикантную историю не приходилось. Господин адвокат еще раз посмотрел на часы и решил пробежать до ближайшего магазина, купить кое-чего к ужину.

Пройдя Пресненским переулком, он вышел на саму Пресню, которая — он так и не мог понять, то ли оставалась Красной, то ли вновь получила старое название — Большая Пресненская.

И вдруг на пороге гастронома Гордеев лицом к лицу столкнулся со стройной большеглазой брюнеткой с большой папкой в руке.

— Инара Альбертовна! — полушутливо воскликнул он, ибо по возрасту брюнетка была ему ровесницей, но выглядела сушей студенткой.

— Юрий кактебят! — в тон ответила большеглазая. — Куда торопишься?

— Хочу взять баночку-другую джина с тоником и распить с тобой по старой дружбе.

— Не против. Но недолго. Несу работы отца в галерею, — махнула она рукой в сторону Малой Грузинской.

— Выставка?

— Да, есть один проект — картины и графика художников, живущих в горячих точках — Грозный, Таджикистан, Приднестровье... Да где они не горячие?

— А отец все там?

— А куда он поедет? У него там мастерская, сад... Жизнь.

— Понятно. — Гордеев взял джин-тоник и пакетик фисташек. — Может, зайдешь, я тут неподалеку живу, — пригласил Инару.

— Зайду, посмотрю, как адвокаты живут, — пообещала она. — Когда-нибудь потом. Сейчас времени ну вот ни насколько!

Гордеев был знаком с Инарой со студенческих времен. Она окончила Институт стран Азии и Африки при МГУ и знала, кажется, десяток экзотических и полужэкзотических, с точки зрения Гордеева, языков, не считая французского, немецкого и английского. Некогда познакомились они на спектакле университетского театра и с тех пор, встречаясь редко, тем не менее всякий раз испытывали какой-то сердечный подъем, доброе чувство.

— Как жить, Юра? — вздохнула Инара и полезла за сигаретами. — Дни летят, только и вспоминается, как валюсь вечерами без сил на подушку.

— Ну а работа-то хоть есть?

— Работы сейчас хватает — времени слишком мало. Мало мне двадцати четырех часов в сутки — приходится от многих предложений отказываться...

— Всех денег не заработаешь, — меланхолически заметил Гордеев.

— А мне и не надо всех! Мне бы только из своей однокомнатной выбраться и родителей к себе забрать. Вот и все! Но впрочем, сегодняшние цены даже на маленькие квартирки ты знаешь...

— Во всяком случае, я могу оказать тебе юридическую помощь, — грустно сказал Гордеев.

— Окажи мне просто словесную помощь, скажи: ведь то, что я делаю, не просто суета?!

— Ну, Инара, какая же суета, если у тебя и ребенок, и родители!

— Правильно, да только мне кажется, что могла бы заниматься тем, что умею и люблю, без этого жуткого надрыва...

— Но это время такое. Время перемен, как говорят китайцы.

— Да, известный трюизм. Дело не совсем в этом. Все время — какие-то суррогаты. Что-то ненастоящее.

— Но сама-то ты вон какая настоящая!

— Юра, а тебе никогда не хотелось заняться более спокойными делами?...

— Капусту, что ли, на даче сажать?

— Нет, это дело полезное, а я говорю о душеполезных...

— Ты знаешь, я не задумывался особенно. Да и не хочу задумываться. Надо что-то все время делать, по возможности — хорошее, ну вот как ты... А остальное — потомки разберутся. Кстати, если хочешь, и я маленькое хорошее дело сделаю — донесу твою папку.

— Не надо, она не тяжелая. Папа в последнее время и рисовать стал меньше.

— А то давай! К тому же мне было бы приятно пройти с такой красивой женщиной по улице.

— Вот с этого бы и начинал! А то напустил туману. Ступай по своим делам, я же вижу, что ты, несмотря на твои усилия пофлиртовать, торопишься и через пару минут тебе будет не до меня...

— Инара! Как ты могла!..

— Не ври! Если я тебе действительно понадобится, вот мой телефон. — Она протянула визитную карточку. — Можешь мне дать свою.

— У меня с собой нет. Ты же не захотела заглянуть ко мне... — Гордеев говорил еще что-то, но чувствовал, что действительно ему пора возвращаться к телефону. — Но телефон я ведь могу записать и на твоей карточке. — Будет как пароль. — Он не без труда оторвал глянцевую полоску от визитной карточки Инары и нацарапал — ручку всегда носил в кармане — свой телефон. — Карточка какая красивая, рвать жалко было, но что поделаешь...

— Ладно, — махнула рукой Инара. — Это за счет фирмы. То есть визитка за счет фирмы. Ступай.

Гордеев нахально чмокнул ее в щеку и поспешил домой.

На автоответчике никто не появился, но едва Гордеев начал косметически убирать квартиру, как раздался звонок.

Это была Лида.

Глава 5. ЛЕТАЙТЕ САМОЛЕТАМИ КОМПАНИИ «СИБИРЬ — ЕВРОПА»!

*— Да что в мире не воздух? Сам человек, вот выпусти из него
воздух, увидишь, что останется.*

Бальтасар Грасиан. Критикон, I, XIII

Коротко поговорив с Лидой, Гордеев условился встретиться с ней в авиакассах на Рождественке, рядом с метро «Кузнецкий мост».

Гордеев мог бы предложить и другое место с кассами — например, в вестибюле метро «Тургеневская», но ему хотелось не то чтобы с уверенностью установить, но полюбопытствовать, будет ли за ними слежка. В уютном и обычно даже летом малолюдном помещении касс на Рождественке следить будет сложнее.

Он велел Лиде, если она окажется там раньше, пройти в здание, встать в очередь и ждать. Все естественно: кто первый приходит — тот и занимает очередь.

А получилось так, что Лида вошла следом за Гордеевым, когда он только появился на Рождественке. Народу, несмотря на лето, действительно почти не было. У международных касс, поигрывая мобильными телефонами, с достоинством заказывали билеты два полноватых молодых человека в дорогих белоснежных летних рубашках с галстуками — очевидно, дорогими, под стать рубашкам. На них, скучая, смотрел секьюрити в милицейской форме, расслабленно занимавший стул у входной двери.

За билетами на внутренние рейсы стояло пятеро: две маленькие кавказские женщины, пестро одетые, они, когда вошел Гордеев, завершали оформление, рослый парень с большой черной сумкой через плечо, как говорится, без особых примет — крепкий, но не «качок», не без мысли на лице, но и не с той мыслью, которая на другие не похожа. Далее стоял ветеран с массивной резной тростью. Что немного удивило Гордеева — почему он в очереди? Разве прежние льготы отменены? Но ветеран пребывал в спокойном ожидании. За ветераном стояла то ли якутка, то ли еще из каких-то северных народов женщина лет сорока пяти, очень симпатичная.

Когда Гордеев впервые увидел Лиду, впечатление о ней составилось довольно определенное: хороша, но еще не осознает по-настоящему ни себя, ни своей женственности; умна, однако ум еще неопытен, не обработан как следует; обаятельна, но будто стесняется себя самой. Лида была в легкой блузке и светлых брюках, отчего казалась еще выше, а ноги ее еще длиннее, несмотря на туфли-лодочки без каблучков. Когда Лида подошла к Гордееву и поздоровалась, оказалось, что она немногим ниже Юрия Петровича, бывшего вратаря футбольной команды университета, ростом не обиженного. Конечно, на лице ее была видна усталость, но не та, которую вызывает сдача зачетов и экзаменов. Эта усталость исчезает через два-три дня после того, как зачетка до следующего семестра сдана в деканат, после того как проспидишь столько, сколько хочешь, а не столько, сколько позволит расписание. Нет, на лице Лиды была другая усталость — следы непреодоленных трудностей, следы продолжающихся тревог, следы пугающей неизвестности.

Они поздоровались и успели переброситься несколькими тихими фразами, пока за ними не заняли очередь двое молодых людей — парень и девушка, решавшие кроссворд в рекламной газете.

Гордеев полувзглядом, полушепотом предупредил Лиду, что дело они здесь не обсуждают. Просто берут билеты на ближайший рейс и уходят. Укоризненно покачал он головой и на попытку Лиды вновь заговорить о гонораре. Юрий Петрович не считал себя зажиточным человеком. Он любил дарить подарки, он с удовольствием подкидывал миллион-другой

не только матери, но и сестре. Однако в этом случае Гордеев решил действовать по принципу, который в России нельзя считать совсем пустым, — по принципу: куда вывезет. Во-первых, он был уверен, что сможет выручить Андреева-отца и тот оплатит положенное, во всяком случае покроет расходы, а во-вторых, и, может быть, в-главных, считал, что вызов был брошен не просто отдельному человеку, а всему адвокатскому сообществу, как бы оно ни было противоречиво и разномастно внутри. Адвокат призван защищать — тем более делом профессиональной чести и достоинства должна стать защита самих себя. Словом, как говаривал гений преодоления Бетховен: «Человек, помоги себе сам!»

Очередь двигалась быстро, но Гордеев успел подсказать стоявшим сзади кроссвордистам пару слов, в том числе название «запеченного кушанья в виде батона с начинкой». Парочка, решавшая кроссворд, вполне могла быть теми, кого приставили, если приставили, проследить за Гордеевым и Лидой. Кроссворд — слабенький, простенький — они решали плохо. Парень почти по складам читал определение (не потому по складам, что читать не мог, а, вероятно, потому, что девушка в этот момент наострылась услышать, о чем заговорят Гордеев и Лида). Затем девушка называла невпопад какое-то слово, воцарялась пауза (могли слушать оба), затем парень произносил одно и то же: «Не подходит», вновь воцарялась тишина, после чего парень переходил к следующему слову. После нескольких таких пассажей Гордеев подсказал им «курорт на Черном море» — «Евпатория», а затем и «кулебяку», на место которой парень упорно хотел вписать «рулет» и повторял сокрушенно, глядя на лишние пустые клеточки: «Может, опечатка?»

Лида тоже приняла участие в обсуждении, но когда Гордеев начал размышлять вслух о том, что не всегда в кроссворде даются точные определения слов, она очень выразительно на него посмотрела. Юрий Петрович понял этот взгляд так, как он и был послан (позднее Лида и сказала ему это). Взгляд Лиды просил Юрия Петровича не предаваться заумным рассуждениям (хотя вообще ничего заумного в них не было), ибо, как показалось Лиде, кроссворд для их соседей по очереди — занятие не очень-то привычное.

Потом, уже на улице, Лида сказала Гордееву и о том, о чем он сам не раз подумал за эти пять — десять минут в очереди. Она сказала о подлости, о мерзости подозрений, о том состоянии, когда обстоятельства заставляют тебя подозревать всех и каждого, когда ты не можешь вести себя вполне естественно, а вынужден оглядываться, остерегаться, с любой стороны ожидать удара.

Но пока они стояли, не разговаривая между собой, в очереди. Билеты на Булавинск были в достатке, так что Лида даже попросила места поудобнее. Еще несколько лет назад, пояснила она, самолеты летали в Булавинск из Москвы и обратно шесть раз в неделю: и билеты были дешевле, и дел у булавинцев было в Москве побольше, тогда всю развивались окрестные горнообогатительные комбинаты, проектировались новые заводы. Теперь же, если срочно нужно попасть в Булавинск, вначале приходится лететь в областной центр Усть-Басаргино, а затем пересаживаться на «Як-40» или ехать ночь поездом.

Но им повезло. Завтрашний утренний рейс позволял попасть в Булавинск еще до конца рабочего дня (хотя была пятница) и попытаться выяснить обстоятельства задержания Андреева. Затем Гордеев хотел в выходные дни без спешки изучить обстановку в городе — в связи с делом, разумеется, — и в понедельник добиться свидания с подзащитным — если не удастся сделать этого в день прилета или в субботу. Ну и, разумеется, надо было продолжить расследование собственной истории с пакетиком кокаина.

Когда девушка оформила им билеты, Гордеев вдруг, для Лиды неожиданно громко, спросил о возможности сразу купить обратный билет.

— А... — начала было Лида (она хотела попросить Гордеева не заказывать пока обратный билет, поскольку в Булавинске ему этот билет достанут без проблем, и заранее определять день возвращения, может быть, не стоит, мало ли как сложатся события). — А... — начала

было Лида, но Гордеев словно почувствовал, что она хочет сказать что-то, и незаметно сжал ее руку чуть выше запястья — кожа у Лиды была нежнейшая, это уж как-то само собой у него отметилось.

Девушка-кассир ответила, что заказать обратный вполне возможно, если есть билеты, и спросила число.

— Вы знаете, — так же громко сказал Гордеев, — я лечу туда, наверное, до вторника (тогда был следующий рейс из Булавинска) или, самое большое, до следующей пятницы. Но я должен позвонить своему начальству и выяснить точно. Скажу, что билет туда взял, и узнаю, когда обратно. Я смогу вернуться и заказать этот билет, когда узнаю дату?

— Конечно, — ответила девушка. — Мы работаем до восьми вечера.

— Так и сделаем, — сказал Гордеев, и они с Лидой, расплатившись, вышли на Рождественку.

Конечно, Гордеев отметил, что, пока они были у кассы, которая располагалась в углу зала, парочка с кроссвордом делала какие-то запросы, от чего-то отказывалась, с чем-то не соглашалась из того, что им предлагала кассирша, и в конце концов едва Гордеев с Лидой отошли несколько шагов от касс и остановились у лотка с пирожками (Гордеев остановился, ну и Лида, естественно, тоже), как на улицу, явно никаких билетов не купив, выскочили кроссвордисты, огляделись, увидели Лиду с Юрием Петровичем, но тут же быстро прошли под арку ко входу в метро «Кузнецкий мост».

— Вы любите пирожки? — спросил Гордеев Лиду.

— Очень, — ответила она. — Только стараюсь воздерживаться.

— Понимаю, — сказал он. — Покушение на фигуру. Но, хочу успокоить, пока для вас это чистой воды профилактика. Можно вас угостить...

— Нет, спасибо, — отказалась Лида. — Сейчас никакого аппетита нет.

Гордеев кивнул, и они отправились в сторону Пушечной, заговорив как раз об этом — о тех случаях, когда обстоятельства делают нас подозрительными, а людей вокруг если не врагами, то почти недругами. Затем Гордеев на всякий случай в ближайшей будке разыграл звонок по телефону. Пусть видят, если смотрят!

Юрий Петрович как мог постарался успокоить Лиду, то есть он понимал, что тягость ожидания развязки ужасного происшествия с отцом — какой эта развязка будет?! — со всей беспощадной, тупой силой вновь и вновь обрушивается на нее, но он хотел, чтобы она готовилась выстоять: медленно, шаг за шагом отвоевывая у мрака свое и своих близких спокойствие и благополучие. Только на эти небольшие, но необходимые шаги надо тратить силы, а не на переживания и плачи о горестях судьбы — в этом Гордеев был уверен.

Рейс был в семь пятьдесят утра из Домодедова, и они с Лидой условились, что он заедет за ней в половине шестого — без пятнадцати шесть: она снимала квартиру в Орехово. Расстались близ «Театральной»: Лида поехала собираться: в отличие от мужчин, женщины собираются много дольше, но как-то так получается, что лишних вещей в свои чемоданы укладывает больше — кто?

А Гордеев отправился к Райскому. Коротко рассказал о происшедшем, оставил ему дискету, поговорил о том о сем, то есть о деле, которое начиналось. Позвонил матери на дачу и предупредил ее, что уезжает, сказал, что при малейшей необходимости она должна позвонить Райскому или Турецкому. Мама, сама юрист и из семьи потомственных юристов, давным-давно привыкла к неожиданностям в работе сына и о многом не спрашивала. Потом вернулся домой, где привел квартиру в состояние, пригодное к отсутствию ее хозяина. Заглянул к Анне Савельевне, попросил ее в случае любых происшествий вокруг квартиры сообщить матери и по возможности никого в нее до приезда матери в квартиру не пускать. «Конечно, электричество электричеством, — заметил Гордеев, — но все-таки компьютер — вещь тонкая, а я диссертацию дописываю, и в памяти компьютера все может пропасть».

Гордеев плел Анне Савельевне почти ахинею, но он уже довольно давно понял: она больше всего уважает его не потому, что он адвокат, человек, причастный к системе, к которой она, как почти все граждане СССР, испытывала чувства, упрощенно говоря, уважительные. Анна Савельевна подлинно почитала Гордеева за то, что он пишет диссертацию. Нет сомнений, на своем веку она видела немало людей, писавших и написавших диссертации, но Гордеев, человек при деньгах (домоуправительница была в этом полностью уверена), взявшийся за науку просто ради нее, самой науки, как таковой, а не в ожидании доходов, вызывал у нее неподдельный пиетет. Однажды она ему так и сказала. «Вот, Юрий Петрович, — сказала она ему, — смотрю на вас и поражаюсь! Это же надо, просто так, без обязательств, без каких-то там конференций диссертацию писать!! Молодец!!!»

Если по совести, Гордеев писал не совсем диссертацию. Книгу. Или, может быть, две книги. Вторая называлась просто — «Записки адвоката», это, можно сказать, была уже семейная эстафета, так как после деда осталась довольно большая рукопись под этим названием. Гордеев уже читал ее дважды, но ему казалось, что главное в ней он еще не понял. Дедовское толкование человека, что ли. Человека, которого надо во что бы то ни стало защитить. От слишком неразборчивой кары за преступление, от людей, которые жаждут полного возмездия. Наконец, от него самого, этого преступившего, этого оступившегося человека, защитить от его самооправданий, нередко слишком жалких и даже мерзких, а иногда чересчур жестоких по отношению к самому себе. И наверное, из собственного опыта Гордеева понемногу вырастало нечто, называемое им то книгой, то диссертацией, то — в минуты неудач — попросту памятником графомании.

Покончив, так сказать, с консервацией жилплощади, Юрий Петрович собрал свой обычный чемодан, обладавший тем особенным достоинством, что по своим размерам и форме он походил на ручную кладь и не вызывал у перевозчиков искушений потребовать его непременной сдачи в багаж. А не сдал в багаж, значит, уехал из аэропорта на полчаса, а то и на час раньше.

Завершив дела, Гордеев поставил будильник, выпил рюмку своего любимого шартреза, который с недавних пор стал появляться с эмблемой «Кристалла», и лег спать. Господин адвокат не помнил, как и когда он выучился засыпать на любое, самое короткое время и в самых неподходящих условиях. Обычная болезнь российских интеллигентов — бессонница — его никогда не донимала, он попросту не знал, что это такое.

Грязнов, которому он тоже сделал короткий звонок, пообещал, что до дома Лиды его довезет автомобиль ночного патруля, и действительно в условленное время к вышедшему на Пресню Гордееву подъехали муниципалы и с ветерком домчали до Орехова, а оттуда, уже с Лидой, и до метро «Каширская». Дорогой Гордеев вспоминал свой разговор с Грязновым. Когда начальник МУРа предложил ему помощь патрульных, Юрий Петрович высказал сомнение в правомерности использования серьезных людей как заурядных таксистов. На что Грязнов лишь усмехнулся в трубку. «Все они держат связь между собой. В конце концов тот маршрут, которым они повезут к Домодедово, не хуже и не лучше других. Если случится что-то экстраординарное, они найдут способ и как с происшествием разобраться и как вас, Юрий Петрович, на дороге не оставить».

Собственно, так и получилось. Близ «Каширской» муниципалы мигом отловили промышляющего извозом и, предварительно поугав нарушителя налогового законодательства, дали ему вместо отпущения грехов поручение доставить Гордеева с его спутницей в Домодедово. Напугали они его, очевидно, настолько технично, что, когда Юрий Петрович попытался расплатиться с водителем, он извинился, пробормотал: «Не положено» и умчался, даже не попытавшись в этот ранний час прихватить какого-нибудь пассажира до Москвы.

Впрочем, долго размышлять Гордееву об особенностях общественных и личных отношений в постсоциалистический период долго не пришлось. Надо было пройти регистрацию, кон-

троль, усесться, в конце концов, в кресла на борту самолета, пристегнуть — или застегнуть? — эти самые привязные ремни и дожидаться взлета...

Рейс выполняла компания «Сибирь — Европа». С тех пор как монолитный советский «Аэрофлот» развалился на множество организаций воздушных перевозчиков, у многих из которых даже самолетов своих не было, Гордеев налетал уже порядком, и он не мог не заметить, что конкуренция понемногу начинала превращать российское воздушное хозяйство в нечто более привлекательное, чем дрожащие фюзеляжи с плавающим, почти как в поездах, запахом туалета и стюардессами, казалось, набранными на службу еще во времена «небесного тихохода».

Впрочем, и в поездах в последние два года Гордеев ездил без прежнего отвращения и тоски, но добираться до Булавинска поездом он себе позволить не мог. Велика Россия...

Авиакомпания, на самолет которой попали Гордеев с Лидой, старалась быть, что называется, компанией европейской, а не захолустной, хотя на ее эмблеме красовался именно медведь, правда, в цилиндре и с планшеткой штурмана в лапе. Очевидно, медведь олицетворял Сибирь и ее медвежьи углы, а цилиндр — Европу с ее опять же европейским парламентом.

После взлета разнесли карамельки и напитки, затем накормили довольно приличным завтраком. Гордеев, казалось безмятежно дремавший между раздачей пропитания, тем не менее довольно подробно расспросил миловидную стюардессу о пакетиках с сухим молоком. Они были точь-в-точь такими, как тот, который ему подсунули. Самолет оказался заполненным только на треть, и поэтому Гордеев мог поговорить с ней в той интонации полудружельюбия-полуфлирта, которая довольно тривиальна, однако очень удобна для достижения разнообразных целей.

Ловя на себе удивленные взгляды Лиды, которая, разумеется, ничего не знала о пакетике, Гордеев как ни в чем не бывало для почина произнес хвалу организациям, снабжающим авиакомпанию продуктами отечественного производства, а затем завел разговор со стюардессой о ее, как он выразился, воздушных буднях. Вспомнил он и некогда знаменитый роман Артура Хейли «Аэропорт», который девушка, несмотря на возраст, знала и читала. Стюардесса оказалась словоохотливой и, в свою очередь немного удивленно поглядывая на спутницу говорливого пассажира — Лиду, которой она, надо признать, во многом явно уступала, рассказала немало интересного. В частности, Гордеев узнал, что у поставщиков продуктов авиакомпаниям уже есть конкуренция между собой и теперь можно выбирать самый удобный вариант. «Но мы не гонимся за дешевизной, — заметила стюардесса. — Нам необходимо качество».

— Качество качеством, — заметил Гордеев, — однако вы почему-то подаете пассажирам сухое молоко, а не сливки.

— Но согласитесь, — улыбнулась стюардесса, — молоко еще может быть сухим, но сухие сливки, даже для растворимого кофе, который мы подаем, согласитесь, — это нонсенс. Сливки могут быть взбитыми, но не сухими!

— Верно-верно, — согласился Гордеев. — К тому же этот вопрос интересует меня из чистого любопытства. Я дня не начинаю без чашки чая с молоком, однако к всяческим искусственным сливкам вполне равнодушен.

— Вот-вот, — согласилась стюардесса. — К тому же пока мы выполняем в основном внутренние рейсы, если, конечно, не считать Прибалтику за границей, а наши пассажиры — люди вроде вас, привыкшие к традиционному питанию, им просто в голову прийти не может...

— Ну, спасибо, — успел вставить Гордеев.

— ...им просто в голову прийти не может требовать в полете... требовать...

— Перемены блюд, — подсказал Гордеев.

— Вот именно, — кивнула стюардесса. — К тому же насчет искусственных сливок вы действительно правы.

— Да, кстати. — Лицо Гордеева приняло заговорщицкое выражение. — А не мог бы я разжиться еще несколькими пакетиками молока? Дело в том, что пришлось неожиданно лететь в эту командировку, а я, как сказал, без чая с молоком по утрам не могу. Из Москвы не захватил, а в этих краях — всегда ли удастся?... Добралась ли сюда эта полуфабрикатная цивилизация?...

Лида, помнившая о пожатии Юрия Петровича у кассы, молчала, хотя ей хотелось сказать, что «полуфабрикатная цивилизация» снабжает Булавинск и окрестности своими продуктами не хуже, чем столицу, разве что подороже выходит.

А стюардесса кивнула и в скором времени вернулась с небольшим свертком.

— Я вам сюда еще и другие пакетики положила: сахар, соль-перец. Уж что нашлось, извините, если маловато.

Гордеев хотел было расплатиться, но спрятал бумажник после того, как девушка посмотрела на него таким взглядом, будто хотела сказать: «Не порть песню, дурак!»

Поблагодарив стюардессу, он деловито спрятал сверток с пакетиками в свой чемодан, подмигнул Лиде: «Вздремнем до посадки!» — и, не ожидая ответа, закрыл глаза.

Все, что он мог узнать в самолете, он, кажется, узнал.

Глава 6. МАЛЕНЬКАЯ ДОРОЖНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

*Снятся людям иногда голубые города...
Старая песня*

В самолете, помимо газет, разносили маленькую книжечку «Булавинск», рассказывающую о городе, в который он летели. Однако эта невеличка была напечатана на плотной бумаге, с цветной обложкой, где помещался герб Булавинска: на желтом поле черный соболь, над которым рука из облака держит самострел. На обороте обложки красовалось другое изображение: цветная фотография круглолобого, коротко стриженного, довольно еще молодого человека в белой рубашке и галстуке, сидящего в кабинете под портретом Ельцина, с трехцветным российским флагом в углу. Ниже помещалось несколько строк приветствия предполагаемым читателям книжки и вилась замысловатая подпись с пояснением: С. М. Вялин, мэр города Булавинска.

Полистав брошюру, Гордеев узнал, что в середине семнадцатого века царь Алексей Михайлович «указал, и бояре приговорили» отправиться оружейнику Илье Савиновичу Мосолитинову в зауральские пределы искать новых «землиц» для поселения, новые торговые пути, новых «народцев», на которых можно было бы наложить ясак. Двигаясь вместе с атаманом Еремеем Оловениковым, Мосолитинов поставил острог на реке Кедровой, из которого и выросла Булавинская слобода, а затем город Булавинск. О происхождении его названия единого мнения, как можно было понять из брошюры, у историков не было. Одни связывали его с искаженным тюркским словом «булак» — родник (в пригородных холмах действительно до сих пор было немало родников): вроде бы постепенно Булакинская слобода превратилась в Булавинскую. Были сторонники «украинской» версии: якобы среди первопроходцев семнадцатого века находился некий переяславский казак Данила Крухмаль, славившийся своей отвагой и получивший за это прозвище Данила Булава, которое каким-то чудесным образом отразилось в названии слободы. При этом, как понял Гордеев, никакого отношения к предводителю одного из крестьянских восстаний Кондратию Булавину название города не имело. Правда, с другой стороны, это сходство спасло Булавинск в советские годы от переименования. В то время как вокруг города превращались в Ленински и Сталински, он продолжал носить свое стародержавное название.

Когда Гордеев изучал булавинское прошлое, Лида дремала, но он не забывал того, что она учится на историческом факультете. Поэтому рассчитывал узнать более подробные и менее официальные сведения о городе от нее.

Заходя на посадку, самолет сделал круг над окрестностями Булавинска. Гордеев увидел довольно широкую реку, текущую среди лесистых холмов. «Кедровая», — сказала Лида, которая тоже через плечо Юрия Петровича смотрела в иллюминатор. На одном берегу реки дома были невысоки, но спланированы в правильные, параллельные реке улицы. Зато другой берег, по площади застроенный значительно больше, представлял собой скопище разноэтажных домов — от пяти этажей и выше, там же тянулись в небо заводские трубы, громоздились фабричные корпуса. «Это наш Промышленно-Заречный район, — пояснила Лида. — Когда-то назывался просто Заречьем и был пригородом, но в советское время стал основной частью города».

— Город у нас не только кочегарка, — вздохнула она. — Очень красивый старый центр, купеческие дома, здание городской думы. А городская прокуратура помещается в бывшем

доме золотопромышленника Ханыкова. Там очень красивые изразцы, да только, чтобы увидеть их, надо попасть под следствие.

— Но вы же, наверное, видели. — Гордеев попытался отвлечь ее от грустных мыслей.

— Мне папа показывал, — она всхлипнула. — Он-то мог заходить туда по службе.

— Ничего-ничего. — Гордеев сжал ее ладонь. — Все выяснится. Я добьюсь освобождения вашего отца. Не стоит тратить сил попусту. Это на руку только тем мерзавцам, которые арестовали Бориса Алексеевича.

— Узнать бы, кто они.

— Все узнаем. Но вы должны мне помогать. Ведь я, наверное, говорил, что в ваших краях впервые. Мне для начала надо разобраться, что это за место такое — Булавинск. И без вашей помощи не обойтись. Мне все интересно.

Самолет довольно мягко коснулся земли, взревел и побежал по бетонке. Немногие пассажиры, бывшие в салоне, по привычке захлопали, приветствуя мастерство пилота.

— Будем считать эту мягкую посадку и аплодисменты хорошим предзнаменованием.

Все же Гордееву пришлось подождать в аэропорту: чемодан студентки был велик, и Лида сдавала его в багаж. Гордеев самолично снял этот недешевый заграничный чемодан с конвейера и беглым, но внимательным взглядом осмотрел его. В Домодедове он убедил Лиду в том, чтобы чемодан был упакован в бумагу (аэропортовские мастера сделали это с удовольствием и, разумеется, небезвозмездно), а теперь проверил, не стронуты ли с места куски клейкой ленты, которые он поместил на швах упаковки.

Все вроде было в порядке.

На площади перед аэровокзалом Булавинска обнаружилось довольно много легковых автомобилей, а пассажирам пришлось идти между шеренгами их водителей, предлагающих за недорого подбросить до города. Машин с шашечками такси не было видно, но еще в самолете перед посадкой стюардесса объявила, что к прибытию рейса подается автобус, который всего за три тысячи довозит пассажиров до центра города, а затем следует в Заречье.

Автобус — маленький «курганец» — действительно стоял поодаль от легковушек, и в нем уже сидело пять-шесть прилетевших этим рейсом. Гордеев решил на всякий случай ехать именно автобусом. Тем более, сказала Лида, прокуратура располагалась в центре города, в двух шагах ходьбы от остановки аэрофлотовского автобуса. При этом от них с Лидой не отставали трое автовозчиков, желавших во что бы то ни стало отвезти московскую парочку по любому адресу в Булавинске, какой только они назовут.

Однако прошло пять минут, десять, а водитель автобуса и не думал отправляться. Кажется, уже все пассажиры вышли из здания аэропорта, но на вопрос Гордеева: «Командир, когда поедет?» — последний ответил меланхолически: «Подождем еще».

Между тем частные извозчики не прекращали свою агитацию. Наиболее энергичные из них вели ее, войдя в автобус и не обращая внимания на водителя, который, впрочем, тоже не высказывал никаких возражений против конкурентов. Посматривая на часы, несколько пассажиров перебрались со своими пожитками в автомобили и уехали. Гордеев начинал закипать. Он сэкономил не деньги, он просто не хотел оказаться в лимузине, услужливо подsunутом ему разработчиками операции с пакетиком.

Когда водитель автобуса, изнемогая от бездействия, сложив руки на баранке, опустил на них голову, а очередной несостоявшийся пассажир отправился из автобуса в потрепанный «жигуленок», Гордеев не выдержал. Он взялся за чемодан Лиды, подхватил свой и, не обращая внимания на коренастого угрюмца, шагнувшего к нему с вопросом: «Ну что, надумали?» — прошел вместе со своей окончательно взгрустнувшей спутницей к подъездной площадке. В этот момент туда подлетел крашеный-перекрашенный «ИЖ-комби», из которого выскочил толстяк в шляпе и с большим портфелем. Он бросился в аэропорт, а водитель не менее стремительно дал было по газам, однако, увидев рванувшегося к автомобилю Гордеева, притормозил.

— До центра довезете? — спросил Гордеев парня его лет, сидевшего за рулем.

— А куда там?

— В прокуратуру.

Парень присвистнул:

— Я извозом не занимаюсь. У меня и патента нет.

— А разве я прошу за деньги? Нас почему-то не встретили, вот и обращаюсь к хорошему человеку. По-дружески. Мы очень торопимся.

Парень посмотрел в окошко на десяток стоявших наготове машин и их владельцев.

— Значит, поиздержались в дороге?

— Вроде того, — нетерпеливо сказал Гордеев. — Поехали, а?

— Прокуратура действительно организация серьезная. — Парень вздохнул. — Ну что ж, садитесь.

Стоило им отъехать от здания, как следом — Гордеев внимательно следил за поведением водителей у аэропорта — за ними устремились два автомобиля: «Волга», которой, как ему показалось, управлял коренастый угрюмец, предлагавший ему свои услуги особенно настойчиво, и белые «Жигули».

Водитель Гордееву и Лиде попался лихой: он, очевидно не подозревая о предполагаемой погоне, выжимал из детища оборонки все, что оно могло дать.

— И какой же русский не любит быстрой езды! — сказал Гордеев со своего заднего сиденья, где он помещался вместе с Лидой.

— Что, слишком быстро? — спросил водитель. — А я всегда так езжу. Тем более дорога свободна.

— Нет-нет, вы хорошо едете, — успокоил Гордеев. — Просто мою спутницу немного укачало. Вначале несколько часов в самолете, а теперь этот почти полет...

Лида скосила глаза на Гордеева. Где-где, а в машинах ее никогда не укачивало. Но она уже начинала привыкать к гордеевским играм.

Водитель сбросил газ, автомобиль поехал значительно тише, и следующие за ним машины также сбавили скорость. Обе.

— Извините, как вас по имени-отчеству? — спросил Гордеев.

— Юрий, — буркнул водитель. Ему все больше не нравился этот путешественник в прокуратуру. Как знать, может, он и с ГАИ связан, прикопается еще к превышению скорости. Хотя по внешности на законника не похож, скорее, спортсмен или фирмач какой-нибудь.

— Здорово, и меня Юрием кличут.

— Очень приятно. — Тезка явно был не расположен к беседам, зато Гордеев старался изо всех сил разговорить его.

— Юра, вы можете ехать так быстро, как считаете нужным.

— Спасибо, — хмуро отозвался водитель, но тут же прибавил газу.

«Волга» и не думала отставать.

— Скажите, Юра, — через несколько минут вновь обратился Гордеев к водителю. — Я сам автолюбитель, у меня «Жигули», но вашу модель я знаю плохо. Может ли она посостязаться с «Волгой»?

— В каком смысле?

— Ну в скорости, конечно. Ваша машина может обогнать ее?

— Вообще «Иж», наверное, нет, но моя может, — с гордостью сказал Юрий.

— Почему?

— Да потому, что я у нее движок усилил и всю перебрал. — Он еще прибавил скорость. — И вообще вам скажу, этот самый «комби» — машина совсем неплохая. Довести только надо. Корпус крепкий, вообще металл без претензий... — Юрий, верно, заметил в зеркальце заднего вида «Волгу», потому что проговорил: — Понятно, зачем вы о «Волге» заговорили. Мало

ли почему она тащится? Может, водитель какой престарелый, из обкомовской номенклатуры бывшей. «Волга»-то их автомобиль.

— А может, проверим?

— Как?

— Прибавьте еще скорости, и посмотрим, угонится ли он за нами.

— Можно, но здесь через пять километров пост ГАИ, так что нарушать мне вовсе не с руки.

— И не надо! Ведь пока ограничений скорости не было. Попробуем, а?

— И девушке вашей плохо не будет?

— Я уже привыкла, — отозвалась Лида и, достав из сумки апельсины, оставшиеся с дороги, протянула один водителю. — Угощайтесь. Московские, то есть марокканские.

Юрий апельсин взял, но со словами: «Или гонка, или еда!» — положил его на сиденье рядом с собой.

«Иж», и без того ехавший достаточно быстро, с каким-то низким гулом устремился вперед. Некоторое время дистанция между ним и «Волгой» увеличивалась, но затем восстановилась. Это видел и тезка Гордеева, потому что он прибавил еще и вновь оторвался от следовавших сзади. Дорога сделала поворот: вот «Волга» и, конечно, поспешавшие за ней «Жигули» вовсе скрылись из виду. Но еще через несколько мгновений «Волга» вновь повисла на хвосте у Гордеева, теперь он был почти уверен, что автомобили следуют именно за ним.

— К сожалению, Юра, я хочу попросить вас прекратить это состязание. Ведь вы же сказали — впереди гаишники. Будем добропорядочными перед их очами и их приборами.

Юрий, как показалось Гордееву, с облегчением повиновался. Его автомобиль действительно был неплох, но все же оторваться от преследователей ему было не под силу.

Милицейский пост приближался — он, как объяснил Юрий, был поставлен при въезде в город.

— Вы знаете, — сказал Гордеев, — я ведь сюда в командировку приехал. Остановите, пожалуйста, у поста, мне надо кое-что узнать.

Юрий вздохнул. Нет, неудобно ему было с этими пассажирами, несмотря на красивую девушку и преподнесенный ею апельсин.

— Все будет нормально, — сказал Гордеев. — Не сомневайтесь. Я выйду и поговорю с ними.

Когда «ИЖ-комби» затормозил у башенки ГАИ, Гордеев неторопливо вылез из машины и побрел к постовому, прячущемуся в тени от послеобеденного, но тяжелого жара континентального июньского солнца.

— Лейтенант Купырин, — лениво козырнул тот. Боковым зрением Гордеев видел, как мимо поста на небольшой скорости проехали «Волга» и белые «Жигули».

— Адвокат Гордеев, — представился Юрий Петрович. — Из Москвы. Приехал по делам, но вот встречающий меня товарищ не знает, где городской арбитраж. А мне туда сегодня непременно попасть надо. Помогите.

Лейтенант задумался и думал довольно долго, после чего сказал со вздохом: «Нет, это не там».

Вздохнул еще раз, обернулся в сторону башенки и позвал:

— Товарищ капитан!

Отозвались не сразу.

Отозвались хрипловатым голосом:

— Чего?

— Тут гражданин про арбитраж спрашивает. Где он у нас помещается?

Последовало довольно долгое молчание, прежде чем в окошке башенки появилось усатое лицо без фуражки и с расстегнутым воротом форменной рубахи.

— А зачем ему?

— Я приехал по просьбе моего клиента, — терпеливо пояснил Гордеев. — Он никак не может со своими компаньонами разобраться.

— Кто же такие дела в арбитраже решает?! — усмехнулся капитан.

— Ну а все же? — не отступал Гордеев, хотя уже можно было ехать и полюбопытствовать, как повели себя преследователи.

То ли капитан не знал точно, то ли не хотел отвечать.

Наконец он все же почти выдавил из себя несколько слов:

— Это параллельно улице Ленина, рядом с Краснознаменным переулком.

Гордеев немного подивился этим названиям, уже становящимся повсюду вчерашним днем, но, поблагодарив, направился к машине.

— А кто вас везет? — крикнул ему вдогонку капитан.

— Простите, — не понял Гордеев.

— Я спрашиваю, кто вас везет? Левак?

— Вовсе нет. Просто аэрофлотовский автобус задерживался, и я попросил подвезти нас.

— Коля, проверь у него документы, — приказал капитан напарнику, махнув в сторону машины.

— Но я вправду не договаривался с ним за деньги. Он просто выручил нас, — несколько растерялся Гордеев.

— За сколько?

— Да бросьте вы, товарищ капитан. Вся Европа ездит автостопом, безо всяких денег и налоговых инспекций. Вроде помогать людям не обязательно за баксы.

Тем временем лейтенант прошел к автомобилю и вел разговор с Юрием.

— Так то Европа! — усмехнулся капитан. — Ну, что права? — крикнул он подчиненному.

— Права в порядке.

— Запиши у этого благодетеля номер на всякий случай, — приказал капитан и скрылся в окошке.

Раздосадованный Гордеев сел в машину, и Юрий тронул.

— Извините, Бога ради, — заговорил господин адвокат, начинавший подозревать, что дальнейшее его пребывание в городе Булавинске станет еще более занимательным. — Конечно, гаишники всюду не ангелы...

— Да меня бесит знаете что? — в сердцах спросил Юрий и, не ожидая ответа, продолжил: — Они же всех, кто в аэропорту левачит, наперечет знают, не один мимо этих просто так не прошмыгнет. А я своего дядьку в аэропорт привозил, он на сельхозавиации полетел. А теперь, чего доброго, Ниппелю скажут, что я у аэропортовых клиентов увел.

— Кто это — Ниппель?

— Вроде бугра аэропортового. Но аэропорт для него это так — просто чтобы мужики не борзели и не пытались деньгу без присмотра сшибать.

— А лицензии на извоз? Может, их взять, вместо того чтобы Ниппелю платить? — немного сыграл в наивность Гордеев.

— Кто с ними возиться будет? У нас же не Москва! Мужик может заработать от случая к случаю, так ему проще Ниппелю заплатить. Только и Ниппель шестерка.

— А кто же семерка, валет, туз? — полушутливо спросил Гордеев и напрягся. Впереди на обочине стояла «Волга», а возле нее трое, один из которых — угрюмый «качок», подходивший к ним в аэропорту.

Белых «Жигулей» не было.

— Узнаете? Наши знакомые, — спросил Юрий, не ответив на вопрос про туза.

— Узнаю, — пробормотал Гордеев.

Они проехали мимо «Волги», мелькнули лица «качков», которые ослабились, глядя на них, затем уселись в машину — и прежний порядок движения восстановился.

Автомобиль уже ехал по окраинным улицам.

— Куда все-таки рулить? — спросил Юрий, слышавший разговор Гордеева с милиционерами. — В арбитраж, что ли?

«Нет-нет, в прокуратуру», — хотел сказать Гордеев, но передумал, бросив взгляд на часы.

— А вы знаете, где арбитраж? — спросил он.

— Я коренной булавинец, — сказал Юрий с не меньшей гордостью, чем произносят слова «коренной москвич». — Спросили бы меня сразу.

— Тогда поехали сперва в арбитраж.

На улицах города «Волга» то ли отстала, то ли прекратила преследование, и Гордеев смог оценить слова Лиды: действительно, центр Булавинска был хорош своей спокойной, провинциальной красотой, сохранившей черты вековой застройки. Вот и арбитраж помещался в трехэтажном здании, напоминающем архитектурой старую гимназию.

Машин возле него было мало.

Грузовичок «Газель» и «Жигули».

Белого цвета.

Владельцев последнего автомобиля не было видно. Но их физиономии для Гордеева пока были неинтересны. Главное, что номер на этих «Жигулях» совпадал с тем, который был на «Жигулях» из непрошеного эскорта.

— Знаете, Юра, — сказал Гордеев. — Я раздумал. Везите нас прямо в прокуратуру.

Пожав плечами, терпеливый водитель стал молча разворачиваться на неширокой улице.

Глава 7. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ

Активист находился здесь же...
А. Платонов. Котлован

Когда прощались с тезкой, Юрий Петрович попытался сунуть ему пятьдесят тысяч. Тот замахал руками и наотрез отказался взять деньги, несмотря на все увещания Гордеева и ссылки на стечение обстоятельств.

— Нет-нет, — повторял Юрий. — Зарабатываю и так. А стечение обстоятельств какое-то очень особенное у вас получается. Так что эти деньги вам еще пригодятся.

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот тебе! А еще в прокуратуру едете! «Волга» эта, которая за нами кралась, здесь, рядом стоит.

— Где? — Гордеев завертел головой.

— В двух шагах. Сидят скалятся.

— Лида, вы видели? — спросил Гордеев у дочери адвоката.

— Не заметила, — растерянно ответила девушка.

Выяснилось, что в тот момент, когда Гордеев наклонился и завязывал на кроссовке шнурок (он ведь был в городе впервые и не знал, что они подъезжают к зданию прокуратуры), за окном промелькнула уже надоевшая «Волга». Она стояла за полквартиры от прокуратуры, в переулке.

— Ну хорошо. — Гордеев спрятал купюру. — Однако я причинил вам немало хлопот, и теперь, видя все это, опасаюсь, что еще не конец.

— А что они мне, работаге, сделают? — беспечно спросил Юрий.

— Надеюсь, что ничего. Однако, если будут какие-то проблемы, вы можете позвонить... Можно, Лида?

— Конечно. — Она достала из сумочки записную книжку, выдернула из нее листок и написала номер. — Вот мой домашний телефон. — И прибавила: — У меня папа — адвокат, может, слышали — Андреев его... наша фамилия.

Юрий хмыкнул:

— Извините, но, к счастью, не слышал. Не доводилось мне пока дела с адвокатами иметь.

— Ну, и не имейте с ними никаких вынужденных дел, — протянул ему руку на прощание Гордеев. — А в дружеской обстановке я с удовольствием выпил бы с вами кружку-другую пива. Или чего покрепче.

— Приведется, так выпьем, — серьезно сказал Юрий и вылез из машины, чтобы помочь своему беспокойному пассажиру и его спутнице выгрузить чемоданы.

В прокуратуре было пустынно. Гордеев представился постовому милиционеру и попросил встречи с кем-либо из руководства прокуратуры.

Нельзя сказать, что милиционер проявил в ответ достаточное рвение. Для начала он напомнил Гордееву, что сегодня пятница и рабочая неделя заканчивается.

— Я знаю, — сказал Юрий Петрович. — Однако хотя бы в силу ваших служебных обязанностей вы должны понимать, что человеку в заключении не все равно, когда он выйдет на свободу — в пятницу или в понедельник.

Невзрачный милиционер преобразился. Было понятно, что он хорошо понимал цену каждой минуты в тюремной камере.

— Допустим, — сказал он. — Но если вы думаете, что гостям из Москвы все можно, то ошибаетесь. У нас здесь...

Он не договорил.

— Я не гость здесь, а вы не у себя дома, а на рабочем месте, — жестко сказал Гордеев. — Я приехал к своему подзащитному и прошу незамедлительно дать мне возможность встретиться или с руководством, или со следователем, который ведет дело моего подзащитного.

Милиционер посмотрел на господина адвоката взглядом, постаравшись сделать его стальным, но не стал продолжать препирательства, а, проверив документы, отправил Гордеева и Лиду в кабинет к старшему следователю Кочерову. Поскольку в летнее время гардероб не работал, чемоданы приезжим пришлось оставить около милицейской вахты. «Что-то еще или то же самое они, конечно, могут мне подсунуть, — подумал Гордеев, — да, может быть, это и к лучшему: первый-то пакетик у Грязнова». За Лидин чемодан не опасался: он по-прежнему был в домодедовской упаковке, настолько нелепой, что незаметно нарушить ее было невозможно.

Старший следователь городской прокуратуры Кочеров встретил их, сидя за пустым столом и пошевеливая сплетенными пальцами рук, которые он вытянул перед собой. Казалось, он ожидал того момента, когда перед ним появятся московские визитеры.

Кочеров привстал в кресле, поздоровался, предложил сесть. Это был довольно высокий, худощавый человек с желтовато-бледным лицом, к особым приметам которого явно относились выдающиеся скулы и серые глаза навывкате.

Гордеев представился, объяснил, кто Лида.

Кочеров махнул рукой:

— Не надо долгих рассказов! У нас не Москва ваша, где преступление на преступлении, так что все притерпелись и внимания не обращают...

Гордеев хотел высказать свое отношение к этой своеобразной оценке криминальной ситуации в столице, но Кочеров продолжал, приняв в своем кресле свободную позу:

— Дело Андреева стало для нашего города довольно громким, если не сказать — сенсационным делом. Булавинск — это не мегаполис какой-нибудь, чтобы можно было скрыть. Люди потрясены: преступное сообщество пытается пролезть даже в судебную систему! Подкупив судью, хочет денежным тараном нанести удар по Фемиде!

Лида всхлипнула.

Гордеев быстро взглянул на нее и перевел взгляд, в котором закипал гнев, на Кочерова.

— Извините, товарищ Кочеров, я прерву вас! Вы не назвали свое имя-отчество.

— Мое имя-отчество — старший следователь Булавинской городской прокуратуры Кочеров, — сказал он, явно рисуясь и, возможно, подражая кому-то. — Но если вам это необходимо, то меня зовут Игорь Вадимович.

— Так вот, Игорь Вадимович, не смешивайте, пожалуйста, лекции по линии общества «Знание», которые вам известны, вероятно, лучше, чем мне, с профессиональным разговором. Мне, надеюсь, не надо перенимать у вас лекторскую эстафету и в рамках юридического ликбеза разъяснять вам, чем подозреваемый отличается от обвиняемого, а обвиняемый — от подсудимого или осужденного.

Бледнолицый Кочеров покраснел. Но явно не от стыда.

Гордеев, говоря о хорошем знакомстве Кочерова с обществом «Знание», имел в виду лишь то, что Игорь Вадимович был по виду на несколько лет старше Юрия Петровича, а значит, и о замечательном создании советской эпохи — обществе «Знание», действовавшем повсюду, у него были более обширные воспоминания. А мужчины, полагал Гордеев, к счастью, не переняли еще у прекрасного пола обыкновение изображать жеманное смущение или шутливое негодование при разговорах о возрасте.

Однако Кочеров действительно ярился не из-за этого. Это перестроечные ветры занесли его в прокуратуру. А начинал-то он свою карьеру в областном управлении КГБ, куда как активный комсомолец был направлен вскоре после окончания исторического факультета Усть-Басаргинского университета. Оперативник из него был никудышный, людей он, откровенно говоря, побаивался, но, получив власть, воодушевился. Любимым его занятием как раз были

выступления с разъяснительными лекциями перед населением, где пустословное красноречие Кочерова представало поистине образчиком какого-то странного искусства.

Вот и теперь, попав, благодаря обширным связям, в прокуратуру, он сохранил вкус к долгим беседам, нередко забывая о том, кто перед ним находится — несчастный узник, приведенный из зловонной камеры следственного изолятора, или опытный юрист. Узник, конечно, сидя на стуле в чистом кабинете, готов был достаточно долго слушать эту новую Шахерезаду, но Гордеев, несмотря на свою специфическую, разговорную профессию, терпеть не мог демагогов всех мастей. Словесные дуэли для него всегда основывались на умении вовремя мгновенно выложить перед соперником нужные знания, напомнить необходимые неоспоримые факты.

— Мне необходимо встретиться с моим подзащитным — Борисом Алексеевичем Андреевым. — Гордеев решил не дать Кочерову опомниться. — И чем раньше, тем лучше.

— Как давно вы с ним знакомы? — спросил Кочеров, пытаясь собраться с силами.

— Пока незнаком. Но как его защитник должен познакомиться.

— А чего это его защищать? — попылся Кочеров вновь взгромоздиться на своего демагогического конька. — Он же адвокат, как говорят, не из последних. Зачем ему еще кто-то? Он сам себя и защитит.

— А вот вы измените Андрееву меру пресечения, выпустите его под подписку о невыезде, тогда он самостоятельно и докажет вам свою невиновность. Это только Дэвид Копперфилд может со связанными руками и ногами выбраться как ни в чем не бывало из запертого сундука. Андрееву, как и любому обвиняемому, гарантировано право на защиту и на участие защитника в стадии следствия. — Произнося эти юридические положения, Гордеев старался придать голосу учительскую интонацию: слушай, мол, братец, бесплатный юридический ликбез. — Я заявляю первое ходатайство: измените меру пресечения моему клиенту! Освободите его из-под стражи.

Он протянул следователю ордер юрконсультации номер десять Московской городской коллегии адвокатов на ведение защиты на предварительном следствии.

— Думайте, что говорите! — подпрыгнул в своем кресле Кочеров. — Выпустить! Взяточника-адвоката!

Гордеев невольно улыбнулся. Адвокат, так уж сложилось, работает за гонорар, а понятие адвокатского гонорара — очень и очень тонкое понятие. Конечно, Кочеров вместо «взяточника» должен был сказать: «взяткодателя», подумал Гордеев, но он не знал причины этой огорки-ошибки. А для комсомолстов, хлынувших в годы застоя в КГБ и МВД, органы были лишь ступенями движения во власти, и они не особенно затрудняли себя изучением уголовного права — так, проходили положенное для неофитов и вновь отдавались страстной погоне за должностями и чинами.

— Я-то думаю, — отчетливо произнес Гордеев, — но и вам советую. Когда я смогу встретиться с Андреевым и познакомиться с его делом?

— Ознакомьтесь, — сказал Кочеров злое, уставя на Гордеева цинковый взгляд своих серых глаз, будто уже видел Юрия Петровича соседом Бориса Алексеевича по камере.

— Это не ответ.

— Сегодня, хочу напомнить вам, пятница. Конец рабочей недели. Если вы так печетесь о своем подзащитном, могли бы позвонить из Москвы, мы бы что-нибудь попытались сделать...

Гордеев вновь почувствовал, что его начинает обволакивать клейкая и душная вата пустословия.

Он достал из портфеля папку с бумагой и, не слушая велеречивое бормотание Кочерова, написал заявление на имя городского прокурора Богдана Осиповича Мещерякина. Такой же лист он протянул Лиде и продиктовал в наступившей тишине ее заявление Мещерякину с просьбой дать свидание с отцом. После чего выложил оба листа перед Кочеровым и сказал:

— Вот теперь мы не только позвонили вам, но и предъявили ордер на защиту, и уведомили письменно о своих ходатайствах. Не знаю, как у вас здесь с нормами рабочего времени, но в понедельник утром вам придется удовлетворить мое ходатайство и вынести мотивированное постановление по поводу всего того, что я изложил в предъявленном вам документе. Не поленитесь заглянуть в Уголовно-процессуальный кодекс, освежите необходимые вам знания. — Лицо Кочерова позеленело, и он злобно посмотрел на Лиду. А Гордеев как ни в чем не бывало продолжал: — В статье сорок седьмой кодекса сказано, что защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, а в случае задержания подозреваемого или применения к нему заключения под стражу — с момента объявления ему протокола задержания. И еще советую: проштудируйте статью пятьдесят первую, где говорится об обязанностях и правах защитников. Телефон Лидии Борисовны указан в заявлении. Да он и в материалах дела есть, которое вы так и не захотели мне показать. До свидания.

Гордеев и Лида встали. Кочеров открыл ящик стола, демонстративно положил туда заявления адвоката и дочери подследственного. Закрыв его снова.

— До свидания, — невозмутимо повторил Гордеев.

— До свидания, Игорь Вадимович, — произнесла Лида. Происходящее в кабинете пугало ее, поведение Гордеева казалось слишком резким, опасным. «Зачем он его дразнит?» — думала Лида, но пока что решила молчать.

Они подошли к милиционеру. Чемоданы были на месте.

— Ну что? — спросил постовой. — Добились своего?

— Каждый своего добьется, — в тон ему ответил Гордеев и добавил полушутливо: — На вещички наши никто не покушался?

— А надо? — снахальничал постовой.

— Об этом лучше справляться в Уголовном кодексе. Особенно полезно перед заступлением на пост. — Гордеев подхватил поклажу, и они вышли на улицу. — Теперь куда?

— Может быть, вы остановитесь у нас? — спросила Лида. — Во вторник и мама приедет.

— Это не кажется мне очень удобным, — сказал Гордеев. — Я бы предпочел провести эту ночь в какой-нибудь приличной гостинице, а потом, может быть, придумать еще что-нибудь... По некоторым соображениям. Есть в Булавинске приличная гостиница?

— Понимаю, — вздохнула Лида. — Приличная гостиница есть. Она и горкомовская бывшая, и интуристовская. «Стрежень» называется. В двух шагах отсюда.

— Очень хорошо. — Гордеев вновь взялся за чемоданы. — Главное, Лидочка, не унывайте! Уныние, как учат нас основоположники, страшный грех.

— Смертный грех, — поправила Лида.

Глава 8. СЕРАЯ ЗОНА

*Кем не владеет Бог — владеет Рок.
Зинаида Гиппиус. Три формы сонета, III*

Лида повела Гордеева к гостинице переулками, которые напомнили ему Замоскворечье. Так он ей и сказал.

— Ну, это не удивительно, — ответила Лида. — У русской архитектуры есть общие традиции в разных краях, вы же знаете. Притом Булавинск развивался особенно бурно во второй половине прошлого века, и здесь оказалось немало торгового люда из Москвы. Архитекторы тоже были московские, так что есть объяснения вашим впечатлениям. А я когда оказываюсь в переулках близ Большой Ордынки, не раз, посмотрев на какой-нибудь особняк, думаю, будто в Булавинск попала.

— А как людям здесь живется? — спросил Гордеев и вдруг подумал, что его вопрос, хотя вполне понятный для адвоката, прозвучал почти так же ненатурально, как звучали они в фильмах советской эпохи про народ, живущий под мудрым партийным руководством.

Но Лида поняла то, что интересовало Гордеева.

— Живут, как вся Россия. Я ведь уехала отсюда три года назад, бываю теперь только на каникулах, да и то не всегда. А многое изменилось.

— И что же?

— Конечно, во-первых, нет проблем с продуктами. Да не только... — Лида улыбнулась. — Представляете, когда я стала учиться в университете, папа купил для меня маленький телевизор, малазийский, потому что в квартире, которую он мне тогда снял, телевизора не было. Мы на Маросейке его покупали и все рассуждали, может, другую какую модель поискать, с дизайном получше, южнокорейскую? А продавец наш говорит: «Да что вы, берите, уж две недели никаких телевизоров не было». Ну, тогда папа решил еще один такой же телевизор купить, маме в подарок, чтоб ей на кухне около плиты веселее было. Так из Москвы и повез. Трех лет не прошло... — Она горестно вздохнула, вспомнив ту историю, которая с ее хлопотами сегодня виделась ей какой-то забавной, почти сказкой...

— Ну а теперь? — спросил Гордеев, поняв ее переживания. — Телевизоры завезли, стиральные машины доставили?

— Все есть, — кивнула Лида. — В Москве, конечно, подешевле, но если посчитать, сколько на перевозку уходит, так на так получается.

— Значит, Булавинск рынок принял?

— Может быть, но рынок не принял Булавинска. Товары есть, а покупать не на что. Зарплаты задерживают, заводы закрываются.

— У вас, наверное, оборонки много?

— Есть, конечно. Но не только в оборонке дело. Нам с папой мама рассказывала — она экономист, — что наша оборонка на две части разделилась, наверное, как и повсюду. Кое-кто на конверсию перешел, стали всякий ширпотреб выпускать — от кастрюль-скороварок и унитазов до кассовых аппаратов, они сейчас повсюду нужны. А другие замерли и ждут чего-то. То есть понятно чего. Новых заказов от военных.

— А военные не заказывают.

— Наверное. И вот опять и опять: митинги, коммунисты тут как тут, красные знамена, Ленин — Сталин, «За державу обидно!». Как будто бы остальным не обидно, что у нас даже дорог приличных нет. Вот бы и строили, раз такие оборонные-патриотичные.

— Ну, вот эта дорога, по которой мы идем, вполне приличная, — попытался пошутить Гордеев. Они шли по переулку, вымощенному, как видно, еще в стародавние времена тесаным камнем.

— А вы не смейтесь! У нас ведь действительно люди все умеют. Вот когда Вялин мэром стал, улицу, на которой он живет, от его дома до поворота вымостили чуть ли не мрамором. Нашли мастеров без промедлений!

— Это какой Вялин? — заинтересовался Гордеев. — Эс Эм? — Он вспомнил фотографию в рекламном буклете, который видел в самолете. — Серьезный мужчина.

Лида хмыкнула:

— Вы шутите, наверное. Небось слухи о делах нашего мэра уже до Москвы дошли.

— Честное слово, нет, — искренне возразил Гордеев. — Москва наблюдает за битвой Черепкова с Наздратенко. А про вашу область — смотрите же, наверное, свой телевизор — почти ничего не говорят. Ну убили кого-то. Так это повсюду в России разборки. Вон в родных краях Президента прямо охота без лицензий — и ничего...

— Но наш Сергей Максимович тоже прославится, вот увидите!

— И чем же? Что улицу перед своим домом замостил? Так это еще большевики, кажется, учили: начни с себя. Завтра он, может, и еще где-то что-то заасфальтирует.

— Начинать с себя и древние советовали, я не о том говорю. Понимаете, ведь тоже помню, хотя еще школьницей была, чего ждали люди от перестройки восемь, еще шесть лет назад...

— А получили совсем другое? — ожидая утвердительный ответ, спросил Гордеев.

Но Лида не стала соглашаться:

— Получили не то. Вы знаете, я нередко задумываюсь: а почему, собственно, меня понесло на исторический? В наши-то дни, при родителях с такими актуальными профессиями? Было, как говорится, с кого делать жизнь.

— И до чего же додумались?

— Вы знаете, у меня, наверное, мужской ум...

Гордеев остановился и, поставив чемоданы на мостовую, окинул восхищенным взглядом рослую фигуру Лиды, всмотрелся в ее юное лицо с правильными чертами, свежее, на которое не смогли наложить отпечаток ни переживания последних недель, ни начавшийся на рассвете перелет.

— Хороша! — только и сказал он.

— Вы, наверное, понимаете, Юрий Петрович, что феминистка сейчас сказала бы вам кое-что не слишком приятное...

— Но если вы феминистка, зачем же говорить: «мужской ум»?!

— Я не феминистка. Просто у меня, наверное, действительно мужской ум, мне об этом говорили разные люди, — и вот я стала задумываться, что же это происходит в России?

— Сейчас?

— Всегда! Можете смеяться надо мной, как эдаким махоньким Карамзиным в юбке, но все же я решила заняться историей потому, что, по-моему, со времен музыки Клио никто из женщин по-настоящему изучением истории не занимался...

— А как же академик Нечкина? — спросил Гордеев.

— Да ну вас! — Лида махнула рукой. — Не буду ничего рассказывать. Селитесь в свою гостиницу и скучайте здесь.

Из переулка они вышли на небольшую набережную площадь, на которой стояло девятиэтажное здание гостиницы «Стрежень» — вполне стандартное, стеклобетонное, но с некоторой выдумкой: балконы-лоджии номеров, сплошь тянущиеся вдоль фасадной стены, были разделены каким-то современным подобием колонн.

Гордеев критическим взглядом окинул гостиницу, потом посмотрел в сторону реки:

— А вид из номера, наверное, роскошный.

— У нас из квартиры тоже есть на что посмотреть, — с вызовом сказала Лида. Ей все же было досадно, что Гордеев не хочет поселиться в их доме.

— Посмотрим ишо, — меланхолически пробормотал Гордеев, которому важно было оказаться наедине с теми неизвестными силами, которые упрятали за решетку Андреева и, как уже было понятно, могли похвастаться не только этим.

Холл гостиницы был пуст. Администраторша за стойкой решала кроссворд.

— Ну, что там у нас предлагает семь по горизонтали? — Гордеев подошел к ней. — Здравствуйте.

— Здравствуйте. — Администраторша отложила газету и сняла очки. — Поселиться?

— И номера есть? — Вопросом на вопрос ответил Гордеев.

— Не говорите. Новые ведь времена. Какой желаете? Полулюкс?

— Не обязательно. Что-нибудь скромное, одноместное, с душем.

— Только-то? — разочарованно протянула хозяйка гостиницы. — А девушке тоже одноместный?

— Я местная, — скаламбурила Лида.

— Она местная, а я командированный, — сказал Гордеев. — Сами понимаете, суточные-гостиничные, не разгонишься. Так что одноместный номерок с удобствами.

— А у нас они все с удобствами. — Администраторша полистала свои раскладки. — Хотите так: номер с двумя кроватями, но на вторую я никого подселить не буду. Он будет побольше площадью, чем одноместный.

— Давайте.

— Вы надолго?

— Если б я знал! Можно пока на сутки.

— Завтра же суббота!

— Ну мало ли что! Можно будет продлевать...

— Сейчас все можно. Но листок проживающего все же заполните.

Номер Гордееву дали на шестом этаже, но он оказался с видом не на реку, а на противоположную — на старый город.

Юрий Петрович было пожалел об этом, но Лида успокоила его.

— Во-первых, окна у вас выходят на запад, так что утром солнце беспокоить не будет, а во-вторых... — Она вышла на балкон и позвала его. — Идите сюда. Посмотрите, как красиво.

Действительно, старый Булавинск сверху выглядел уютным миром, утопающим в зелени. Правее возвышался довольно большой храм с крестами, золотившимися в лучах еще довольно высоко стоявшего июньского солнца.

— Преображенский собор, — пояснила Лида. — Недавно отреставрировали.

— Не взорвали, значит, большевики, пощадили?

— Взорвать не взорвали, а без крестов и колоколов стоял. В нем краеведческий музей был.

— Милый городок, — сказал Гордеев. — Вы, госпожа Клио, наверное, знаете кучу историй о его прошлом.

— Знаю кое-что.

— Расскажите?

— Если захотите.

— Обязательно. Вот, кстати, вам пример — ваш храм. Уже восстановили. И службы, конечно, идут.

— Идут. Но все ведь знают, что деньги на его реставрацию бандиты дали.

— Какие бандиты?

— Наши, местные. Водочники.

— А почему бандиты, если на храм пожертвовали?

— Это знаете, что получилось: раньше были храмы на крови, а теперь что же — на водке?

— Понимаете, Лида, я на это дело смотрю немного по-другому. Конечно, водочные деньги. Конечно, не праведники. Но все-таки восстановили не только собор, но и памятник архитектуры. Небось территорию вокруг благоустроили. Пусть восстанавливают. А там, глядишь, и книжки начнут читать. Рынок всех обкатает.

— А мне кажется, до нормального рынка, ну или, как сейчас любят говорить, шведского капитализма, нам еще очень далеко. Сейчас модно говорить о нашем времени как о смутном, но, может, это и правильно. Как ни крути, смутное, или, мягче сказать, переходное. А что такое переход? Почти исход!

Лида говорила, увлекаясь. Видно было, что она не только хочет убедить Гордеева в серьезности своих рассуждений, но и в том, что она принадлежит к новому поколению, которое не только выбирает пепси, но и пытается сделать страну лучше, богаче.

— Да, Моисей водил народ сорок лет, а мы переходить будем, может, лет двадцать... Все ведь не так сложно. Недавно Егор Гайдар писал, что для нашего периода главная особенность — это отношения власти и собственности.

Гордеев слушал Лиду не то чтобы вполуха, но не переставал водить глазами по сторонам, оглядывая городскую панораму.

— При социализме власть и собственность были связаны. Так? — спросила его Лида.

— Еще как были связаны! — подтвердил Гордеев.

— В цивилизованном рынке власть и собственность четко разделены. Так?

— Лидочка, право слово, вы, уверен, очень старательная студентка. А сессия уже закончилась. А цивилизованный рынок — это второй мировой миф после мифа о коммунизме.

— Но все же! Там, при рынке, есть власть: она устанавливает правила. Согласны?

— В целом.

— Есть бизнес — он играет по этим правилам. Разве не так?

— Допустим.

— Ну, Юрий Петрович, вы что, скептик? Почему?

— Не знаю, — пожал Гордеев своими совсем не узкими плечами. — Наверное, я просто адвокат. И немного — религиозный мыслитель. «Нет счастья на земле...»

— Но на земле есть жизнь! Все же. И мы сейчас — все вместе — оказались на переходе из мира, где власть и собственность слиты, в мир, где они разведены.

Гордеев посмотрел на часы:

— Лидочка — (подумал, что это его обращение к рослой, современно одетой девушке довольно странно), — вы все правильно говорите, но я человек очень конкретный. Мне в этом, как вы его назвали, переходе сейчас назначено разобраться с делом вашего отца. Разберусь — можно и пофилософствовать...

— Эх! Да я потому и говорю об этом, что вижу: мы — папа, я, вы, Юрий, который нас вез, — все мы оказались в этой, ну, серой зоне, что ли... Понимаете, это даже не туман. Там свежо, иногда тепло, звуки какие-то мягкие, светотени... А это серая зона — власть и собственность уже вроде бы разделены, но пока на самом деле объединены, связаны тысячами нитей. Власть определяет для бизнеса разные правила, меняет их...

— Понимаю, — кивнул Гордеев. — Мне вспомнился рассказ одного старого писателя. Он сидел. Долго сидел. При Сталине. И однажды свела его судьба с уголовником-интеллектуалом. То есть этот сидел за какие-то экономические преступления. А о том, что такое «экономические преступления при социализме», можно написать трагифарс абсурда. Ну вот... Однажды разговорился уголовник-экономист с писателем и вдруг заявляет: «Если доживу до свободы, все, больше — ни-ни, никаких там махинаций-спекуляций и тому подобного». Писатель на

экономиста с удивлением глядит, понять не может: вроде человек серьезный, а кается, будто не с таким же зеком говорит, а с кумом лагерным или с каким другим гражданином начальником.

Экономист понял недоумение писателя и поясняет свое чистосердечное раскаяние. «С большевиками невозможно работать, — говорит. — Нет твердых правил. Ну, представьте (они с писателем, как люди интеллигентные, были друг с другом на «вы»). Сели мы с вами играть в карты, в «очко». Играем. Я, к примеру, шулер. Передернул карты как следует, приготовился выигрывать, а вы в этот момент объявляете: «Играем не до двадцати одного, а до восемнадцати». Ну что ж, согласен. Приготовился я к новым правилам, а вы вновь: «Играем до двадцати трех!» Я опять перегруппировался, а вы... Нет, так играть невозможно! А работать и подавно!

Лида улыбнулась:

— Подходящая притча.

— Еще как! И злободне-е-евная! — кивнул Гордеев. — Если, как вы заметили, власть меняет правила для бизнеса, то бизнес начинает искать доверительных отношений с ней...

— Серая зона! — вздохнула Лида. — Добралась и до папы.

— Ну-ну! Не унывать! — Гордеев приобнял ее за плечи и увел в номер. — Здорово у нас вышло! На балконе обычно о любви говорят, серенады слушают, а мы за политэкономиию посткоммунизма принялись!

— Настоящие русские люди!

— Поговорили, Булавинском полюбовались, а теперь пора бы и до вашего дома добраться. А затем приглашаю вас пообедать. Есть в городе своя фирменная кухня?

— Фирменная кухня у моей мамы, но это на той неделе... Можно, наверное, куда-нибудь пойти. Хотя...

Гордеев приложил палец к губам. Одно дело — вести в гостиничном номере общие разговоры о времени и о себе и совсем другое — строить планы на ближайшие часы.

Лида кивнула. Гордеев быстро переложил кое-что из портфеля в чемодан, а из чемодана — в портфель, подхватил Лидино заграничное чудовище, с которого предварительно содрал наконец бумажную упаковку, и они прошли в холл.

— Лифт только наверх, — безразлично сказала дежурная по этажу. Их должность устояла даже в экономических штормах эпохи. — Лестница там.

Пришлось идти по лестнице.

Вдруг они услышали цоканье каблучков, а между вторым и третьим этажом увидели поднимающуюся им навстречу девушку ростом под стать Лиде, в длинном, но открытом платье и в босоножках на высоченных шпильках.

— Лидуха! — воскликнула девушка. — Ты что это делаешь в наших краях?

— Танча?! — Лида удивилась, пожалуй, посильнее.

— Ага! На каникулы приехала?

— На каникулы. А...

— А я здесь работаю. Фирма наша два номера арендует на третьем этаже. Зайдешь? — Гордеева эта девушка, которая в его реестре женской красоты прошла бы по разряду «смазливых», казалось, не замечает. — Посидим-поболтаем, кофейку попьем, расскажешь, как там, в столице... — Она наконец посмотрела на господина адвоката — темные глаза, очи черные, внимательные. — С молодым человеком своим познакомишь.

— Это Юрий Петрович, — сказала Лида. — А это моя бывшая одноклассница Таня.

Гордеев и гостиничная дива обменялись пристальными взглядами.

— Сейчас нам некогда, — развела руками Лида. — Может, позже как-нибудь. Я ведь на все лето приехала.

— Телефон у тебя тот же? — спросила Таня-Танча.

— Тот же.

— А моим так и не поставили. — Разговорчивая девица, вероятно природная брюнетка, привычно, как видно играя, поправила свои роскошные волосы, умело покрашенные в светлорусый цвет. — Так что пользуюсь мобильным, — прибавила она вроде не хвастаясь, но со значением.

— Значит, и сюда добралась цивилизация! — с наигранным восторгом произнес Гордеев.

— А то! — Владелица новейшего средства связи выставила из разлетающихся складок платья на ступеньку рядом с Гордеевым свою длинную загорелую ногу, гладкую, как отполированная.

— Ну до свидания, Таня! — Лида заторопилась вниз, Гордеев — следом.

— Пока.

— Это наша классная знаменитость, — объяснила Лида, когда они вышли из лестничной шахты в холл. — Таня Вершкова. Она в десятом классе участвовала в областном конкурсе красоты и заняла первое место. Куда-то уезжала, то ли в Москву, то ли даже за рубеж, вроде у нее был контракт фотомодели... Потом вернулась. Интересная девочка. — Лида фыркнула. — А прозвище у нее откуда-то взялось смешное — мне ребята из нашего класса рассказывали — Джуси Фрут. Представляете, королева красоты — и какая-то жвачка.

— Бывает, — протянул Гордеев, проходя вслед за Лидой через вертящуюся входную дверь на улицу.

Обвел глазами площадь, набережную, высокие деревья с яркими, еще не изъеденными летом листьями.

— Красота. — Хмыкнул: — И при этом, как вы изволили выразиться, серая зона.

Глава 9. ТАМ, ГДЕ ЧИСТО, — СВЕТЛО

— Пусть глядит в оба, — сказал он угрюмо.
Э. Хемингуэй. Отцы и дети

Вновь Гордеев тащился по Булавинску с чемоданом, правда, на этом, так сказать, переходе только с одним. Андреевы тоже жили в старой части города, и, как заметила Лида, шагать до ближайшей автобусной остановки было почти столько же, сколько до самого дома.

Действительно, вновь идя живописными переулками, они вышли на довольно широкую улицу, застроенную, судя по домам, в тридцатые — пятидесятые годы.

— Это наш проспект Независимости, — сказала Лида. — Замечательная трасса. До семнадцатого года называлась Александровским проспектом, потом — не очень долго — улицей товарища Троцкого, затем Красных Партизан, в тридцать девятом году переименовали в проспект Сталина...

— А потом?

— Потом она стала проспект Семилетки, после снятия Хрущева — проспектом Октябрьской Революции и вот теперь, уже несколько лет, — проспект Независимости.

— Ждете новых переименований?

— Я хотела бы одного, последнего. Пусть к нему возвратится первоначальное название. Император Александр Третий, в память о котором проспект назвали, был не самым плохим правителем в нашей истории. Во всяком случае, ему было бы трудно понять, почему это улица называется — «Независимости». От чего? От кого? Чьей независимости — России? Здорово!

— Наверное, мы теперь независимы от обязательств перед бывшими союзными республиками? — полушутливо предположил Гордеев.

— Независимы от своевременной выплаты зарплат и пенсий, от социальных гарантий, от охраны детства! — в сердцах воскликнула Лида. — Что же это с нами происходит, Юрий Петрович?! Коммунизм — мертвое поле, а здесь — пока болото!

— Лида Борисовна, могу только поделиться опытом. Я не предаюсь глобальным рассуждениям, я верю в судьбу и больше люблю размышлять не о времени, а о себе. Я попросту осуществляю защиту по уголовным делам, а иногда берусь и за дела гражданские!

— Да, пожалуй. Я тоже попробую найти себе дело. — Она остановилась и вздохнула уже привычно для Гордеева. — А это наш дом. Пришли наконец.

Семья Андреевых жила в кирпичной трехэтажке — такие строили после войны по всей стране в более или менее крупных городах для номенклатуры и провинциальной элиты.

— Знакомая архитектура, — сказал Гордеев.

— Эту квартиру родители выменяли у вдовы директора школы. И я потом в ней училась. Пятая спецшкола, английская, считалась у нас лучшей. Она и еще двадцать седьмая, математическая. Но я в цифрах не сильна, а то, может, пошла бы в экономисты, как мама.

Квартира опечатана не была. Взяв у Лиды ключи, господин адвокат собственноручно открыл оба замка. Оставив вещи в прихожей, они заглянули во все помещения, включая туалет и кладовую. Трехкомнатная квартира, в которой жила Лида с родителями, несмотря на отсутствие хозяев, удивляла порядком.

— Значит, обыска не было, — решил Гордеев.

— А он должен был быть? — с испугом спросила Лида.

— Вполне. По делам о взятках, как правило, у обвиняемых производят обыск.

Много книг в шкафах до потолка, пианино, музыкальный центр и новейший телевизор «Филипс» с огромным экраном — гостиная. В комнате Лиды все было как при ее отъезде из Булавинска зимой, после каникул. Видно, что здесь вытирали пыль с мебели и вещей, чистили

палас на полу. Хотя цветы на окне уже давно не поливали — очевидно, с той поры, как был арестован Борис Алексеевич.

Лида заглянула в холодильник. Он работал, там было довольно много продуктов, несколько банок пива «Jever».

— Папино любимое, — сказала Лида.

— Хорошее пиво, — одобрил выбор коллеги Юрий Петрович и зябко передернул плечами, вспомнив, как однажды, в годы работы в прокуратуре в бригаде Турецкого, должен был отведать обед в следственном изоляторе. — Надеюсь, до его возвращения оно не успеет испортиться.

— Давайте, я что-нибудь приготовлю поесть, — предложила Лида, заглядывая в морозильник. — Курица... можно разморозить в микроволновке. Или гавайскую смесь пожарить.

— Лида, мы же договорились! Неужели в Булавинске умеют только сажать невиновных, а накормить усталых путников не могут? Давайте так: обедаем у новых рестораторов, а ужинаем у вас — согласны?

— Но ведь в ресторане дорого!

Как уже понял Гордеев, Лида была дочкой в семье с достатком. Но он не почувствовал, что она любит разгуляться, а теперь и вовсе, когда отец попал в беду, примеривалась к каждой трате.

— А мы не пойдем в ресторан. Пойдем куда-нибудь в кафе на свежем воздухе, у реки.

— Ну хорошо. Только я вам пока все же сделаю бутерброд — для аппетита.

— Лучше минеральной воды.

— И минеральной воды. Проходите в гостиную.

Сев на диван, господин адвокат взял коробочку дистанционного управления, щелкнул кнопкой.

Телевизор включился на видеоканале, но, поскольку видеоманитофон включен не был, на экране ничего, кроме тускло-пестрого мелькающего снега, не появилось.

«Серая зона», — вновь вспомнилось Гордееву.

Он переключился на российский канал, где шел какой-то сериал с семейным, как видно, сюжетом. Вошла Лида, вкатив в гостиную столик с тарелками со шпротами, лежащими на галетах, и с маслинами в вазочке. Стояла и бутылка минеральной.

— Вот, — сказала Лида. — Предложила закусить, а хлеба-то нет. Тот, что папа оставил, — заплесневел, хорошо, хоть галеты нашлись.

— Ничего, — взялся за минералку Гордеев. — Главное — вода!

— Я вас сейчас угощу чем-то поинтереснее. — Лида открыла бар. — Папа с мамой нередко перед обедом пили горький ликер, ну, его еще называют желудочным, но это звучит как-то не очень...

Она вытащила две крохотные бутылочки:

— А ликер вкусный.

Полезла в горку за стопками. Они стояли по переднему краю деревянной полки, но, когда Лида взялась за одну, она отклеилась со щелчком, будто ее поставили невымытой, и донышко, влажное от капель, прилипло к поверхности.

— Странно! — сказала Лида.

— Погодите! — воскликнул Гордеев. — Не двигайтесь!

Она недоуменно посмотрела на него, но замерла, держа рюмку в руке.

Гордеев огляделся по сторонам, подошел к бару и вытащил оттуда пачку бумажных салфеток.

Поднес одну Лиде:

— Очень аккуратно. Кладите сюда стопку.

Лида положила хрустальную стопку в развернутую господином адвокатом салфетку.

— Что «странно», Лида? — спросил Гордеев, глядя на стопки, остающиеся в ряду.

— Странно, что ее поставили в горку, не помыв. Для мамы это было просто невозможно, это чистюля из чистюль, но и папа никогда так не поступал.

Гордеев сквозь салфетку начал касаться стопок. Та, рядом с которой стояла прилипшая, тоже снялась со своего места со щелчком. Все остальные были чисты.

— Очень неплохо, — сказал Гордеев. — Лида, у вас есть какой-нибудь чистый пакетик?

Лида сходила и принесла пакет с колготками.

— Новые, — усмехнулась она и вытащила содержимое. — Пожалуйста.

Гордеев, отдельно завернув каждую стопку, положил их в пакет.

— Возможно, что какая-то ерунда, случайность. Однако из этих стопок пили что-то сладкое, но крепкое. Может быть, и ваш биттер ликер. У вас были большие запасы?

Лида, а он следом заглянули в бар.

— Вот, стоят коробочки. Все вроде на месте. По четыре штучки в каждой. Сколько их было, я, конечно, не знаю. Но в мусорном ведре ничего нет. Пусто. Это тоже папа с мамой: у нас мусор не задерживался. Борьба с тараканами должна быть беспощадной.

— Бутылки тоже все не распечатаны, — отметил Гордеев. — Да здесь, кроме этих микромерзавчиков, никаких ликеров больше и нет.

— В холодильнике початая бутылка водки, тоже не подходит.

— Ну хорошо. Давайте попробуем ваш желудочный ликер.

Они выпили нечто, сильно отдающее анисом.

— То, что стоит у вас в холодильнике, мне нравится больше, — сказал Юрий Петрович, закусывая маслиной.

— Хотите?

— Ни за что! — Гордеев вновь взялся за стакан с минералкой. — Да, в жизни бывает всякое, и, возможно, ваш отец встречался здесь с кем-то по делу, в котором участвовал... Ну, выпили немного, а потом вдруг кто-то позвонил, ваш отец заторопился, поставил эти стаканчики на место, а потом забыл помыть — или уже не смог...

— Но об этом мы можем спросить у него!

— Обязательно.

Телевизор продолжал работать, семейные страсти на экране кипели.

— Ого! — вдруг воскликнула Лида. — Все же здесь кто-то был!

— Та-ак, — протянул Юрий Петрович вопрошающе.

— А вот смотрите, — она показала на две полки с видеокассетами над нишей в шкафу, где стоял телевизор. — Мы, Андреевы, все немного педанты. Зануды. Порядок — залог успеха. Каждой вещи — свое место. Вот и кассеты... Видите?

Все кассеты были в футлярах, имитирующих книжные обложки.

— Папа у нас главный видеоман, но записи у него специфические. Во-первых, это аналитические передачи, во-вторых, театральные. И конечно, он записывал для меня все интересное по истории. Но вот видите, как сейчас стоят эти кассеты. Всего их на полке тридцать, из них десять в футлярах малинового цвета, а двадцать — в футлярах под кожу. Папа всегда ставил так: на краях по три малиновых футляра и в центре — четыре. Порядок жесткий, раз и навсегда: ни я, ни мама его не нарушали. Считайте его маленькой причудой главы семьи. А сейчас...

Малиновые футляры были разделены на две части: по пять.

— А мог ли ваш папа переставить их по-новому?

— Едва ли, — твердо сказала Лида. — Во всех этих футлярах — записи довольно давнего времени, а в малиновых — фильмы. По центру — четыре кассеты с фильмами Феллини, это любимый папин режиссер. Самый любимый. Центральной, как говорится. И эти четыре кассеты никак не могли оказаться сбоку, да еще разделенными по две. Не папина рука так ставила!

— Погодите-погодите, — задумался Гордеев. — Когда я вошел и включил телевизор, он оказался на видеоканале. Так... Могу представить и такую картину: сюда приходят двое, роются в кассетах, что-то ищут, просматривают их, коротая время, потягивают что-то, принесенное с собой из стопок, затем, несколько утомленные видеомарафоном, уходят, забыв переключить телевизор, вымыть как следует рюмки... Похоже?

— Похоже. Но что в наших кассетах могло заинтересовать этих пришельцев?

— Если бы знать! Видите, нам есть что обсудить с Борисом Алексеевичем! Кстати, Лида, напомним, как зовут этого молодого человека, который сообщил вам об аресте папы?

— Володя Иноземцев. Он мой школьный приятель.

— А с ним можно связаться?

— Конечно. Я могу позвонить хоть сейчас.

— Да, позвоните, пожалуй. Сегодня пятница, возможно, он куда-нибудь уедет на выходные. А нам времени до понедельника терять нельзя.

Лида взялась за телефон.

Глава 10. ОБЕД БЕЗ ДЕСЕРТА

*У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина —
всего барана тащи, гусь — всего гуся!*

Н. Гоголь. Мертвые души, V

К счастью, Володя был дома. Он вызвался повидаться немедленно, и через пятнадцать минут они с Гордеевым уже познакомились на площади возле городского театра.

Хотя Володя учился в Усть-Басаргинском мединституте, в Булавинске он бывал регулярно, изменяющийся город знал прекрасно и решил, что их запоздалый обед может пройти в каком-нибудь кафе Купеческого сада — так здесь по привычке называли большой сквер в центре города, хотя в советское время он носил длинное название — парк культуры и отдыха имени Маяковского.

Поместились в летнем кафе, главное преимущество которого было в том, что все столики в нем стояли под отдельными полотняными зонтами-грибками. Лида решила ограничиться салатом, чашкой бульона с пирожком и мороженым, Володя уже пообедал, а специально для Гордеева заказали уху «Золотой таймень», пельмени «Три медведя», морс из морошки и местное пиво для всех, которое называлось тоже громко — «Землепроходец», но напоминало «Жигулевское». Впрочем, и весь обед по вкусу был прост, хотя, вероятно, повара старались.

За то время, как Володя позвонил Лиде в Москву, ему удалось узнать кое-что поподробнее. Он проходил практику на городской «Скорой помощи», исполняя обязанности фельдшера, и благодаря этому завел кучу полезных знакомств. Видно было, что он неравнодушен к Лиде и старается не только дружески поддержать ее, но и чем-то помочь.

Все, по мнению Володи и тех людей, с которыми он говорил, началось еще в прошлом году, когда при неясных обстоятельствах около городского полиграфического комбината погиб главный редактор городской газеты «Булавинские ведомости» Лев Чашин.

Эта газета была основана или, точнее, восстановлена недавно, в годы перестройки. Под таким названием выходила она до девятнадцатого года, когда была закрыта красными за поддержку правительства адмирала Колчака, а может быть, как добавил Володя, просто потому, что была независимой и попала под общие репрессии большевиков против старой российской печати. В ее здании стала помещаться новая партийная газета «Светоч революции», которую переименовали вскоре в «Правду Булавинска».

Собственно, Чашин и начинал как журналист в этой газете: готовил в ней молодежный вкладыш, потом заведовал отделом информации. Когда началась перестройка, сотрудники газеты разделились на две большие группы. Как и по всей стране, здесь были свои «демократы» и свои «консерваторы». Конечно, Чашин не удержался бы в газете со своими, как их здесь нередко называли, диссидентскими взглядами, но его поддерживал бывший однокурсник, горбачевец Костюков, ставший первым секретарем горкома партии. Поддерживал, не делая, однако, попыток снять главного редактора Залужного. Чашин писал о современных проблемах Булавинска, но его печатали обычно в московских газетах, а в «Правде Булавинска» ему удавалось вести лишь краеведческую страницу — о прошлом города.

Споры и конфликты продолжались вплоть до дней ГКЧП, когда Залужный тиснул в газете все документы путчистов, а Чашин собирал митинги в поддержку Горбачева и Ельцина. Костюков в это время был в отпуске, но вернулся вовремя — «то есть утром того дня, когда путчисты были арестованы», не без иронии заметил Володя.

И тогда наконец Костюков предложил Чашину должность главного редактора. Однако тот отказался. Он и еще несколько журналистов добились раздела имущества газеты и стали издавать «Булавинские ведомости». Детище Чашина быстро стало популярным, а «Правда Була-

винска» тоже приобрела нового главного — из тех, кто не принимал ни одну из сторон в перестроечном редакционном конфликте. Ее возглавил Толик Порохов — так все в городе звали бывшего центрфорварда местной команды «Скрепер», который некогда окончил филфак в местном пединституте и после травмы стал пописывать для отдела спорта...

Володя рассказывал образно, с подробностями. Гордеев не удивился бы, узнав, что и он сотрудничал с газетой, конечно, чащинской.

А обратился будущий врач к столь долгой предыстории недавних событий потому, что после смерти Чащина с новой силой по городу стали расходиться слухи о еще одной запутанной истории.

Должны были состояться выборы мэра Булавинска. И вот незадолго до них в «Булавинских ведомостях» появилась большая статья «Скажи, Серега» с подзаголовком «Станет ли криминальный авторитет нашим мэром?». Ее автором был Лев Чашин, который шаг за шагом проследил путь, идя по которому трижды судимый Сергей Вялин чудесным образом оказался кандидатом в мэры.

— Трижды судимый! — воскликнул Гордеев. — И за что же его судили?

Володя развел руками:

— Я пытался найти этот номер газеты. Ничего не вышло. Из всех библиотек он исчез, а в редакции самой газеты сгорел вместе с архивом...

— Был пожар?

— Да, уже после смерти Чащина. Такой маленький аккуратный пожар в комнатке архива, который пожарные быстро погасили, но водой и пеной оказались безнадежно испорчены все бумаги и, конечно, сами подшивки газет.

— Еще бы он был не аккуратный! — в сердцах сказала Лида. — Ведь редакция «Ведомостей» помещается на первом этаже, а на втором и третьем — редакция этой нашей «Правды».

Гордеев не без изумления обнаружил, что она, даже сделавшись «столичной штучкой», немало знала о происходившем в родном городе.

— Ну вот, — продолжал Володя. — Поиски этого номера газеты ни к чему не привели. Конечно, он есть у кого-то дома, но я таких людей не нашел.

— Неужели и у папы он не сохранился? — воскликнула Лида, даже привстала с места, словно хотела броситься бежать к себе на квартиру.

— Если не свистнули любители алкогольных напитков с большим содержанием сахара, — мрачно произнес Юрий Петрович.

Володя недоуменно посмотрел на него.

— Кстати, Володя. — Гордеев чуть помедлил. — Я вижу, вы в Булавинске повсюду свой человек. Мне надо будет сделать несложную экспертизу. Определить состав одной жидкости. По ее остатку. А я начинаю опасаться, что в криминалистической лаборатории местного управления внутренних дел недостаточно стерильные условия.

Володя подумал всего мгновение:

— Сделаем на дому! Только...

— Наверное, вы хотите напомнить мне, что официально адвокат не имеет права на производство экспертизы. Что он может только ходатайствовать об этом перед следствием, прокурором, судом...

— Я... — начал было Володя.

— То есть вы согласны, что иногда и адвокату, ради пользы дела, можно немного нарушить рамки. Тем более что опыт следственной работы у меня в наличии...

— Нет, Юрий Петрович, дело не в юридических тонкостях...

— Нужны какие-то препараты?

— Нет. Дело в том, что человек, которого я могу об этом попросить, — гениальный химик...

— Ну вот и хорошо.

— Понимаете... Сказал бы, что он химик от Бога, если бы... Если бы Женик не был наркоманом.

— Да, это хуже... — протянул Гордеев.

— Но он сейчас в завязке, уже больше четырех месяцев, я знаю точно.

— Понятно. Однако такой личности проболтаться — ничего не стоит.

— Наверное, да. Но сейчас это — кремь. Понимаете, он из тех наркоманов, которые считают себя какими-то высшими людьми. Путешественники в нирвану.

— В ад! — зло сказал Гордеев. — Впрочем, сию минуту пока нужды нет. И потом: ведь даже для гения можно сочинить что-нибудь невинное. В связи со скорой помощью и, скажем, с выходными днями. Мол, лаборатория закрыта... Тем более что действительно из этого сосуда выпив, никто не отравился, и наверняка окажется что-то невинное, но винное, — скаламбурил он. — А гению с наркотической зависимостью бесполезно владеть излишней информацией: кому да почему.

— Сделаем, — бодро сказал Володя. — Про Чащина досказывать?

— Всенепременно. Значит, напечатал он статью...

— Напечатал. Вышла она, скажем, в четверг, а в пятницу приезжают в редакцию омоновцы с ордером на обыск. «Что такое?» «Есть информация, что вы незаконно храните оружие». Чащин им — газовый пистолет на стол и разрешение на его ношение, а они все равно проводят обыск и, конечно, находят.

— Не только оружие, — догадался Гордеев.

— Не только. То есть пистолетов не находят, зато обнаруживают в залежах газет и бумаг две ручные гранаты и мину с магнитным держателем, знаете, такую можно под днище машины прицепить и так далее...

— Ну, допустим, то, что мину ему подсунули, это понятно, но вот гранаты — это уже грубо. Зачем журналисту гранаты?! Террористов вооружать наемных? Или рыбу глушить на речке? Смешно!

— Смешно. Было бы. Но они там еще и кокаин нашли. И здесь они его здорово поддели! Дело в том, что, когда Чащин вел в газете краеведческую страницу, он как-то опубликовал статью о поэте-декаденте, уроженце наших мест — Пьере Алконосте. То есть никакой он, конечно, не Алконост и даже не Пьер, а Петр Птицын. У него была поэма «Кокаиновый вихрь». И вот Гушин печатает статью «Певец кокаиновых вихрей», где рассказывает о судьбе этого Алконоста, который во время гражданской войны зверствовал в булавинской ЧК, пока однажды, нанюхавшись кокаина, не застрелил свою подругу и не застрелился сам. Лев-то вел к тому, что среди этих пламенных революционеров было немало наркоманов, и не только Зимний брали под марафетом... Но! Вот как обернулось!

— Значит, возбудили дело?

— Приложили усилия. Лев, правда, себя грамотно повел, смог даже о провокационности всей этой операции что-то в Москве напечатать. Да только у нас сами знаете, пресса какая. В другой московской газете — противоположная информация под заглавием «Эрозия демократии», что ли. Коротко, без комментариев сообщалось, что, мол, арестовали главного редактора новой газеты, который в погоне за наживой связался с криминальными кругами и торговцами наркотиками.

— А что это за газеты? Тоже не сохранились?

— Я, собственно, к этому и веду. Все подробно должен знать, наверное, Борис Алексеевич, и обязательно — Коля Новицкий.

— А это кто такой?

— Репортер нашего телевидения, — пояснила Лида. — Областная знаменитость. Басаргинский Невзоров, только, думаю, несколько других политических взглядов.

— Да уж, — сказал Володя. — Коля — это, скорее, Гиляровский. Замечательный мужик. Вот его и стал защищать Борис Алексеевич. На этом и погорел. Как погорел Коля, защищая Чашина.

— Погодите, — остановил Володю Гордеев. — Давайте все же по порядку. Чашину подсунули в кабинет всякое фуфло, возбудили уголовное следственное дело.

— Да, дело попытались открыть, только немного опоздали. Одновременно с выбором мэра у нас должны были состояться выборы в городскую думу, и Чашин был зарегистрирован кандидатом. А это значит: юридическая неприкосновенность, его не имели права привлечь к ответственности.

— Или, говоря по-современному, война компроматов! — отчеканила Лида.

Гордеев стал замечать, что эта девушка может быть не только растерянной, но и острой в суждениях, серьезной и не оглядывающейся на принятые правила приличия.

— Война, да не компромата, — возразил Володя. — Это у Льва был настоящий компромат, а они что могли на Чашина навесить? Только клевету.

— Но тем не менее, — заспорил Лида. — Зачем Лев полез в политику? В депутаты?

— Думаю, хотел получить больше возможностей для работы, — неуверенно предположил Володя.

— Не будем гадать, — остановил начинающийся спор Гордеев. — Как развивались события дальше?

— Недолго думая, Чашину ответили тем же, с чего он начал. «Правда Васильевска» поздравила его статьей «Граната на взводе», где вся эта провокация с обыском была представлена как достоверный факт, а Лев изображен ставленником кавказской мафии, пытающейся захватить сферы влияния в Булавинске. Отсюда, мол, и гранаты, и магнитная мина... Естественно, что в статье смешали правду и ложь. Больше стало в городе кавказцев? Больше. Опубликовал Чашин в своей газете статью, что нельзя относиться к человеку плохо лишь потому, что у него большой нос, черные усы и горячий взгляд? Опубликовал!..

— А что, есть другое мнение? — жестко спросила Лида.

— Есть, — не смутился Володя. — Этим не должна заниматься пресса. Должен быть закон, преследующий за дискриминацию по национальному признаку, и этот закон должен жестко применяться. Вот в США не могли сказать: «негр», только «афроамериканец», за слово карают, а у нас как ни в чем не бывало...

— Ребята, ребята, — вновь вмешался Гордеев, — Вы, верно, давно не виделись и наговориться не можете. А мне надо узнать суть.

— А дело было, короче говоря, для Чашина фигово: выборы он проиграл, а через две недели, когда вез макет газеты в печать, его «форд» расстреляли. Вместе с ним.

— Затем?...

— Затем происходит гениальная штука. Убийц или убийцы, конечно, и след простыл. Зато тут как тут прокурор...

— Товарищ Мещерякин?

— Он самый. Богдан Осипович. Дает распоряжение опечатать все финансовые и административные бумаги полиграфкомбината под тем предлогом, что Чашин гнал здесь левую продукцию, но не поделил доходы между своими, братков из уголовной «крыши» обидел, в деньгах, конечно, обидел — вот они его и замочили...

— Умно, — покачал головой Гордеев. — Но откуда такая уверенность в невинности Чашина? Извините, но вы как врач, а вы как историк, — он отнесся и к Лиде, — меня поймете. Не собираюсь грешить на погибшего, но должен отработать все версии. Бывает ведь, что и хороший человек перед большими деньгами не устоит.

— Очень даже бывает, — согласился Володя. — Но надо было знать Льва. А его в городе, слава Богу, знали. Лев был человек сложный, но главная черта его характера была, что называется, извини, Лида, неумоимо искать себе на одно место приключений. Причем опасных.

— Согласна, — кивнула Лида.

— А больше всего он любил дразнить власти. Прежних начальников называл «помпадурками», а нынешних — «чумазыми».

— Да, Салтыкова-Щедрина он любил, — подтвердила Лида. — Даже ввел в газете рубрику, на месте передовицы, — «Как вчера написано...», где рядом со злободневными новостями печатал вместо комментариев фрагменты из книг Щедрина. Здорово получалось!

— Так что, думаю, с левыми деньгами Чашин мараться бы не стал, — заключил Володя. — Для этого он был слишком брезглив и, возможно даже, слишком заносчив. Все ведь знали, что у него есть любимое выражение... — Володя посмотрел на Лиду.

— «Ни за какие деньги не купишь», — без промедлений произнесла она.

— Ну хорошо, — сказал Гордеев, уже понявший, что Чашин был в Булавинске настоящей знаменитостью, «культовой», как теперь любят говорить, фигурой. — Однако у меня остаются вопросы. Почему он в таком случае проиграл выборы? Это первый. И второй: как в городе поверили, что он занимался махинациями на полиграфкомбинате?

— Отвечу вначале на второй. — Володя отхлебнул пива, в котором давно осела пена. — Комбинатские кабинеты опечатали — как бы в связи со смутными обстоятельствами убийства. На следующий день объявили работникам, что производство приостанавливается — опять-таки в связи с тем, что... Народ обрадовался было... Пока не узнал, что денег за дни простоя не получит. Правда, опыт и примеры есть. Начались митинги. Под лозунгами. Но поднимали там не только картонки «Зарплату — своевременно!», но и полотнища «Долой газету, укравшую хлеб у наших детей!». Понимаете?

— Чего уж не понять?! И чем кончилось?

— Чем и должно было кончиться. К очередному митингу приехал новоизбранный мэр, Вялин с камарильей, пообещал людям скорейшее расследование дела, дал распоряжение пустить комбинат, а деньги за простой выплатить.

— И выплатили?

Володя не успел ответить.

К столику подошел обслуживавший их официант, знакомый Володи. Он принес мороженое для Лиды, но, поставив вазочку на стол, не ушел, а спросил:

— Вован, ты сегодня не дежуришь?

— Как видишь. А что?

— Повезло тебе. Или, может, не повезло — практики лишился. Сейчас у «Океана» двух ментов подстрелили.

— Что? — не сдержался Гордеев.

— Ну не совсем ментов — парней из угро, — уточнил официант, посмотрев на незнакомца.

— Когда? Где? — переспросил Володя.

— Ну где у нас «Океан»?

— Их два, между прочим.

— Верно, про микрорайон я забыл! Может, там?

Гордеев, с нарастающим интересом слушавший этот разговор, решил все же в него не вступать, хотя очень хотелось. Он только попросил дать счет и, после того как официант направился к кассе, обратился к Володе:

— А он откуда это узнал?

— Маленький город, — пожал плечами Иноземцев, а когда официант подошел со счетом, Лида, которая так и не притронулась к мороженому, тихо произнесла:

— Они живы?

— Говорили, что одного наповал точно, — как отрапортовал официант, а потом прибавил, возможно, не ради формальности: — Жалко. Люди все-таки.

Володя будто понял, чего хочет Гордеев.

— Доедай мороженое — и пойдем, — сказал он Лиде, осознавая при этом, что ничего есть она сейчас не станет.

— Потом, — равнодушно и почти бессмысленно сказала Лида, вставая.

Безразлично поблагодарив официанта, они ушли с площадки, на которой помещалось кафе.

Официант, решивший, что он испортил аппетит клиентам, почесал в затылке, убрал со стола начавшее таять мороженое и подумал, что при случае извинится перед Володей. Но через минуту, отнеся посуду на мойку, забыл и об этих гостях, и обо всем, что только что произошло.

Глава 11. БЕЛЫЙ ХАЛАТ ПО ПОСЛЕДНЕЙ МОДЕ

*К о р о л ь С к у л е. Я голоден!.. Я болен. Болен. Я вижу тени
мертвых людей.*

Г. Ибсен. Борьба за престол, V

— Как вы думаете, куда их повезли? — спросил Гордеев Володю, когда они почти бегом направились к выходу из парка.

— Конечно, в БСП, то есть в больницу «скорой помощи», — уверенно сказал Иноземцев. — Едва ли в госпиталь. Это все-таки МВД, а не Министерство обороны. Хотя, на мой взгляд, правильнее было бы отправить их именно в госпиталь, особенно если они все же не убиты.

— Вы не уверены в вашей больнице?

— Пожалуй, не во врачах, не в персонале. Здесь-то как раз все видно. Но я не уверен, что человек, попавший в реанимацию, в ней выживет. И не по причине серьезности ран и травм.

— Уже были подозрительные случаи?

— Подозрительных случаев я не знаю, но зато знаю, что больницы для бандитов у нас все равно что собственная квартира. Несколько раз они уже притаскивали своих, и врачи, в общем, под пистолетом оказывали им помощь. Было и такое: однажды на дом возили к авторитету раненому. Но, к счастью, — извините, но к счастью для врача, — браток двинул корни до прибытия помощи.

— И этого врача вы знаете?

— Рассказывали, — нехотя ответил Володя. — Город наш невелик, и людям здесь жить.

— Значит, едем в вашу «скорую помощь», — сменил тему разговора Гордеев. — Не знаю, связано ли это покушение с арестом Бориса Алексеевича, но ехать надо.

— У нас здесь все связано, — мрачно заметил Володя. — Хотите, чтобы я там разузнал подробности?

— Если можно. Во-первых, вам это легко сделать как человеку, вхожему в юдоль скорби, а, во-вторых, мне-то никто ничего по существу не скажет. Я имею в виду прокуратуру: сегодняшний визит туда мне многое открыл.

Выйдя на улицу, они без труда поймали частника на «Жигулях», который, услышав адрес назначения и отметив, что лица у пассажиров встревожены, спросил, слышали ли они про убийство милиционеров.

— Нет, — сыграл удивление Гордеев. — Откуда нам слышать? У товарища приступ аппендицита прямо на работе произошел. Пока отправили... Вот сейчас следом едем узнать, что да как. Врачи сказали, могут сразу на стол положить.

— Да, аппендицит — дело нешуточное, — согласился словоохотливый частник. — Я со своим, к примеру, чуть к прадедушкам до срока не загремел. Резал меня хирург Подробин Андрей Данилович, суровый человек. Но мастер. Он...

— Извините, — прервал поток воспоминаний Гордеев. — Вы сказали, что убили милиционеров?

— Ну да, — как-то буднично сказал водитель. — Небось бандитская разборка.

— А милиционеры-то при чем, если разборка?

Водитель хмыкнул:

— Так. Чего же иначе в них среди белого дня стрелять, если они ни при чем?

— Да, ваша версия, как говорится, имеет право на существование. А где это было?

— В микрорайоне, на проспекте Маршала Устинова.

— Это там, где Зареченский универмаг, что ли? — спросила Лида.

— Ну да. Только на противоположном конце. У магазина «Океан».

— Понятно. А вы что, там оказались? — продолжал вести разговор Гордеев.

— Бог миловал. Это я сейчас ехал и с приятелем пересекался. А он как раз оттуда. Под пули не попал, однако выглядел довольно бледным. Я даже ему присоветовал не по городу разъезжать, а запарковаться и пивка попить для успокоения.

— Чего ж его так напугало? Из автоматов, что ли, стреляли?

— Да нет вроде. Он сказал, что как будто снайпер. Бац-бац! Но паники много.

— Вот как, — протянул Гордеев и больше уже ничего не говорил.

Довольно лихо подкатил водитель к воротам больницы, получил деньги, высадил пассажиров и умчался искать новых слушателей.

Володя отправился, как он сказал, на разведку — узнать, здесь ли жертвы покушения.

— Хороший, — сказала Лида, когда он скрылся за дверями главного входа. — Никогда никого не подводил. А во врачи пошел неожиданно: был кандидатом на медаль, прекрасно знал математику и мне помогал всегда. Стихи наизусть он может читать часами, и вдруг...

— Но разве это плохо — врач? — спросил Гордеев.

— Нет, что вы! Я просто рада, что Володя вовремя почувствовал: медицина — его дело. Я-то этим похвастать не могу.

— Но вы же увлечены историей...

— Вот именно: увлечена. Но я многим увлекалась — что из того? Плавала, на коньках выполнила разряд, окончила музыкальную школу, курсы фитодизайна, знаю машинопись, компьютер...

— И машину водить можете?

— Представьте себе. В прошлом году сдала на права, и папа меня хвалил...

— А у вас есть машина?... — спросил Юрий Петрович полуутвердительно.

— Ну да. «Жигули», пятерка. Гараж рядом с домом.

— И доверенность на вождение есть?

— Конечно.

— Хорошо. Если авто на ходу, это нам не мешает. Чувствую: разъезжать придется много.

— Только бы папу выручить.

Появился Володя с пластиковым пакетом в руках.

— Пойдемте быстрее. Я договорился с врачом, он проведет вас, Юрий Петрович, к этому парню, уцелевшему... Пока там только двое милиционеров из патруля, но вскоре, думаю, понаедут...

— А другой погиб?

— Убит наповал. Вот, держите халаты, надевайте. Но тебе, Лида, придется подождать нас. В коридоре, что ли. Самое лучшее. Здесь не стоит маячить.

Они надели халаты. Гордееву он был мал, почти в размер куртки, так что Юрий Петрович больше походил в нем на продавца колбасного отдела. Зато Лиде халат был впору, причем она заметила, что крой у него был как у платьев, модных в этом году.

— Еще бы! — заметил Володя. — Я этот халат у нашей медсестры взял, у Нади. Стильная девчонка. Ну, пойдемте поскорей.

Доведя их до нужного коридора, Володя усадил Лиду на белую скамейку в маленьком холле, а сам повел Гордеева в кабинет врача.

Возле топтались два молодых милиционера: сержант и рядовой.

— А это кто? — спросил сержант у Володи, которого уже видел с доктором.

— Специалист, — коротко ответил тот, берясь за ручку двери. — Олег Сергеевич знает.

На застеленной клеенкой кушетке сидел рослый парень без рубашки и майки. Левое плечо у него было уже перевязано, а обе руки на локтях смазаны йодом. Парень держал в руке

большую кружку с горячим кофе, но не пил. Врач, возрастом немногим старше пациента, сидя за столом, занимался своим обычным врачебным делом — писал.

Гордеев представился и коротко объяснил парню, что хотел бы узнать от него подробности покушения.

Парень вздохнул. Он явно был в полушоковом состоянии. Потом поставил кружку на кушетку рядом с собой и произнес:

— Живейнов Павел, оперуполномоченный уголовного розыска. Жив и, как видите, здоров. А оперуполномоченный, лейтенант Георгий Иванович Николаев, погиб при исполнении служебных обязанностей. Я жив, а он нет. Марина — вдова, сын Васька теперь без отца. А ему два года. Всего.

Гордеев раздумывал недолго.

— Все это ужасно, Павел, но ведь сейчас у вас есть только одно право — не расслабляться, а, напротив, собрать силы и сделать все, чтобы убийца или убийцы были пойманы и наказаны.

— Я наказывать не буду. — Павел сделал паузу. — Я поймаю и прикончу. Прикончу там, где поймаю.

— Павел, я адвокат, но защищать убийц вашего друга я бы отказался. Вместе с тем, надеюсь, вы понимаете, что самосуд может оказаться страшной ошибкой.

— Я не ошибусь. — Он твердо посмотрел в глаза Гордеева. — Не ошибусь.

— Я в это верю, — сказал Юрий Петрович фразу, которая после живейновского взгляда не звучала дежурной. — Но также хотел бы выяснить обстоятельства покушения на вас. Мне очень важно их знать.

— Вы можете пройти в комнату рядом, — показал врач.

Кабинет, как нередко это бывает, состоял из двух комнат: врачебной и процедурной.

Живейнов встал и послушно пошел, не прихватив с собой кофе.

В процедурной он поместился на такой же врачебной кушетке, как та, с которой только что встал, и сказал безразлично:

— Слушаю.

— Вопрос простой, — начал Гордеев. — Вы представляете, кому могло быть выгодно ваше убийство и убийство вашего друга?

— Я жив, — напомнил Живейнов.

— Вы полагаете, что покушение было направлено против Николаева, а вы просто оказались рядом?

— Как раз нет, — неожиданно горячо заговорил Живейнов. — Скорее, думаю, охотились за мной, но стрелок их ошибку совершил. Вот гадство! Ошибку — а человека нет!

— Но почему вы так считаете?

— Да потому, что Георгий был у нас человек новый. Его и убивать-то пока еще не за что было. Это не я, калач тертый.

— А можно подробнее?

— Расскажу. Не очень длинно. Надо делом заниматься, а не здесь отсиживаться. И потом, ну, допустим, вы адвокат, но я ведь вас не нанимал. Я себя и сам защитить в состоянии.

— Верно. Но все же, наверное, если вы станете рассказывать мне о предполагаемых причинах покушения, что-то и вам станет яснее. И потом, все ведь в мире связано. Тем более связано в одном городе.

— А вы здесь по какому-то конкретному делу?

— У вас довольно красивый город, Павел, но все-таки обычно летний отпуск я провожу в других местах. Конечно, я здесь по делу. Я адвокат адвоката, извините за повтор. Вы, наверное, не хуже меня знаете, что булавинский адвокат Андреев обвиняется в даче взятки председателю городского суда Каблукову.

Живейнов вдруг усмехнулся:

— И что же? Каблук не взял?! Значит, мало давал ваш Андреев! Сам виноват.

Гордеев был несколько удивлен столь решительным выводом. Про известное мздоимство Каблукова Лида сказала ему при первой же встрече, но он захотел выяснить, на чем основывался вывод сыщика, что Андреев все же взятку давал. Так он и спросил.

— Вам-то, адвокату, должно быть понятно, — хмыкнул Павел. — Вы должны защищать. Ну а когда защищаешь, чего только не сделаешь, чтобы заблудшую душу спасти. Он ведь, Андреев ваш, был защитником у Новицкого?

— У Новицкого.

— А Новицкий — телевизионщик. Огромные бабки, даже в наших областных масштабах. Новицкого всем было выгодно вытащить из СИЗО или попытаться замочить, как меня...

— Вот видите: «или». А за что его мочить? Значит, честный?

— Не всегда. По какому обвинению арестовали Новицкого, не помните?

— Сбыт наркотиков.

— Не только. Ему еще вменяют присвоение денег областного общественного телевидения. То есть деньги он присвоил, чтобы расширить торговлю наркотиками.

— А какими, кстати? — спросил Гордеев.

— Букет! От марихуаны, то есть анаши по-нашему, до кокаина и героина.

— Значит, Новицкому вы не верите. Но, с другой стороны... Если есть честный Живейнов, почему не может быть честный Новицкий, честный Чашин. Неувязка!

— Отвечу. Что такое газета? Болтовня. Что такое телевидение? Болтовня в квадрате, я не квадрат телеэкрана имею в виду, а степень. К тому же растление всей этой полуприкрытой порнухой, этими садистскими фильмами! Заигрались ребята, вот и получают свое.

— Но разве пресса не помогает вам? Разве тот же Чашин не печатал острые статьи о злоупотреблениях, о том, что матерые рецидивисты захватывают власть?

— Это было, — признал Живейнов.

— Так, может быть, правильнее все же разобраться, за что схватили Новицкого, а не поддерживать те обвинения, которые, скорее всего, предъявляют ему те же недруги, что и за вами охотятся. Все-таки мне бы хотелось узнать, почему хотят убить и вас?

— Ну меня-то просто так не арестуешь! Ребята все знакомые, даже если шестерят перед Степным.

— Это ваш главный милиционер?

— Да, начальник горуправления внутренних дел полковник милиции Степной Анатолий Олегович. Большой человек. Очень хочет генерала получить.

— Так получит, наверное. Сейчас это не так сложно. Но вы, как вижу, к нему не очень-то расположены!

— А за что его уважать, комсомолиста поганого! Папаша его был из политработников и сынка нацелил на хлебные места. Это все еще игры щелоковских времен, когда милицию не профессионалами укрепляли, а идеологически подкованными кадрами. Мест у партийно-хозяйственных корыт было уже маловато, так вот чтоб свинята комсомольские там не путались под ногами — их к нам, в милицию.

— А вы, как понимаю, с немножко иной биографией.

— С иной, — гордо сказал Живейнов. — Иду, как положено, по всем ступеням. — Вздыхнул, так что было понятно: продвижение по службе дается ему непросто. — У меня и дед в угро служил, и отец, и два дядьки. Заметьте, дед мой за бандами гонялся, а не в ГПУ из нагана в затылок несчастным стрелял.

— Я догадываюсь, — кивнул Гордеев.

— И сам от пули бандитской погиб, — прибавил Павел. — Сразу после войны. Не только у вас в Москве «черные кошки» шустрили.

— А у меня в роду не я первый адвокат, — сказал Юрий Петрович. — И дед, хотя умер в своей постели, тоже выше всего ставил профессиональную честь. Защити человека, но не за счет других.

— Я ничего не говорю, люди разные бывают, — сказал Живейнов. Понятно было, что силен он не в рассуждениях, а в действиях.

— И все же: как вы думаете, почему вас хотят убить? — вернулся к теме разговора Гордеев. — Арестовывать, вы правы, опасно, человек имеет не очень удобное качество сопротивляться попыткам согнуть его в бараний рог.

— Жизнь у меня началась веселая, когда я стал раскручивать дело об убийстве директора нашего рынка. Самого крупного. Но это долго рассказывать...

— Вы сказали: раскручивать. Было там что-то еще, кроме простых разборок, как это сейчас обычно происходит в торговой среде?

— Конечно, было. Недвижимость. Очень хорошая недвижимость. А за недвижимостью стоят такие деньги, что это уже не «дипломаты» с купюрами, а банки, большие банки...

— Значит, вы не считаете, что вас пытались убрать та же бандгруппировка, что убила директора рынка?

— Смотря что понимать под бандгруппировкой, — неопределенно ответил Живейнов.

— А вы не встречались по работе с Андреевым, с Новицким?

— Не доводилось.

— Еще вопрос. Обстоятельства покушения. Не могли бы вы рассказать мне, как это произошло?

— А вам-то зачем?

— Вы же сами сказали, что Степной — фигура никчемная, Каблуков — взяточник. Вы уверены, что обстоятельства покушения на вас и убийство Николаева будут расследованы добросовестно? Что вообще дело доведут до точки?

Живейнов только усмехнулся.

— А мне эта информация не мешает. И вам тоже.

— Да особенно-то рассказывать нечего. Так получилось, что освободились мы сегодня раньше, чем обычно, ну и решили с Жоркой по случаю пятницы пивка попить. Взяли, зашли в «Океан» за креветками и воблой...

— А почему не в другом «Океане» брали, не в центральном? Вроде, насколько я разобрался в топографии, ваш угро к нему поближе.

— Так мы же по делам ездили, в кабинете не сидели, а Жорка в микрорайоне живет... жил. Он-то и предложил отдохнуть. Взяли пива, креветок, воблы, — повторил Павел и добавил: — Пепси-колу и конфет для его сына... Вышли из магазина, а там переход через улицу не рядом, ну Жора и говорит полушутливо: «Перейдем здесь, товарищ старший лейтенант. Позволим себе небольшое нарушение, авось коллеги из ГАИ не заметят...» Впрочем, той тропкой через газон и дальше все там и ходят. Удобно, хотя и нарушение.

— А народу много было?

— К счастью, в тот момент нет... Хотя... Когда мы подошли уже к мостовой, пропустили пару машин и собрались идти, нам навстречу с противоположной стороны улицы побежала какая-то женщина... довольно молодая. Тоже, значит, нарушала. Я как-то резко отступил в сторону, чтобы она на меня не налетела, и в этот момент — выстрелы. По-моему, три.

— Откуда?

— Думаю, откуда-то сверху, с домов. Там девятиэтажки стоят.

— Снайпер?

— Скорее всего. Первая, по-моему, пуля оцарапала мне плечо — видите? — и попала Жоре прямо в сердце. Вторая — ему же — в грудь. А третья — через какое-то мгновение, — кажется, над ухом у меня просвистела...

В комнату вошел Володя:

— Сюда идут.

— Телефон мой запомните, — сказал Живейнов и назвал номер. — Позвоните, если понадобится.

Гордеев только успел перейти во врачебную комнату и сделать вид, что он обсуждает состояние больного с Олегом Сергеевичем.

Дверь распахнулась, и в кабинете появились два невысоких человека средних лет в сопровождении медсестры.

Брюнет с сильной проседью цепко осмотрел присутствующих, задержав взгляд на куцем халате Гордеева.

— Ну, я зайду попозже. Продолжайте процедуры, — кивнул Гордеев немного оторопевшему Олегу Сергеевичу. — Пойдемте, Владимир.

И он как ни в чем не бывало проследовал мимо визитеров и милиционеров в коридоре.

Когда они, подхватив ожидавшую в коридоре Лиду, вышли в холл больницы, та сообщила, что слышала обрывок фразы из разговора шедших к Живейнову.

— Что-то вроде — он говорил очень тихо — «гланды... голову сверни».

— А кто говорил? — спросил Володя.

— Брюнет — тому, что с папкой.

— Понятно, — сказал Иноземцев. — Это Мещерякин. А с папкой, по-моему, Степной.

— Фигуры понятны. О чем говорили, непонятно, — заметил Гордеев.

— Но чья-то голова в жертву уже намечена, это я точно слышала, — в который уже раз за этот день вздохнула Лида.

— Или шея, если вспомнить про гланды, — добавил Володя.

— Когда мылят шею, гланды остаются в неприкосновенности, — заметил Гордеев. — Странные наказания придумывают в Булавинске для подчиненных. Как говорится, еще придется раскинуть мозгами, чтобы понять...

Глава 12. ПРОПАВШАЯ КАССЕТА

И снова — предположение, но все уже ясно давно...
Готфрид Бенн. Астры

— Поскольку мы сюда попали, надо воспользоваться всеми возможностями, — сказал Володя, когда они уже было направились к дверям на выход. — Я думаю, Юрий Петрович, вам будет о чем поговорить с тетей Николая Новицкого. Она работает здесь и, возможно, еще не ушла. Сам-то Николай родился и жил в Усть-Басаргине, но тетя нашенская. Я об этом случайно узнал, когда Николая арестовали.

— А почему же он взял адвокатом Андреева, а не какого-нибудь усть-басаргинского?

— Довольно просто. Новицкого арестовали в аэропорту, когда он собрался лететь в Москву. А летел он от нас, из Булавинска...

— Почему?

— Могу только догадываться. Он перед отъездом несколько дней был здесь. Потом неожиданно, как сказала тетя, Мария Гавриловна, собрался улетать в Москву. В аэропорту его арестовали. Пойдемте в кабинет Марии Гавриловны, она, наверное, сможет рассказать вам еще что-то.

Гордееву повезло: тетя Новицкого действительно еще была на месте.

Юрий Петрович объяснил ей, зачем приехал в Булавинск, особо подчеркнув то, что он — адвокат Андреева, в свою очередь, защищавшего ее племянника, Колю Новицкого.

Тетя, довольно полная женщина средних лет с крупными чертами лица, не задавала вопросов. За те быстро летящие недели, которые прошли со дня ареста ее племянника, она перебрала в уме много вариантов его освобождения и справедливого расследования дела, но ни один не подходил.

То, что Коля наркоманом быть не мог, становилось понятно каждому после первой же встречи с ним. Человек огромной физической силы, спортсмен-десятиборец, имевший квалификацию мастера, Новицкий никак не мог даже внешне претендовать на раба продуктов опийных плантаций.

Однако те, кто подсунул ему наркотики, вполне ясно осознавали, что такого здоровяка можно выдать за торговца, наживающего на чужой беде капитал. Арестовав Новицкого, ему предъявили именно это обвинение, найдя к тому же в его багаже несколько замаскированных под бортовое питание пакетиков с кокаином. Когда жене Новицкого сообщили об аресте мужа, она примчалась в Булавинск (тетя узнала об аресте только от нее).

— Мы посоветовались с Ларисой Матвеевной.

— А это кто? — спросил Гордеев Марию Гавриловну.

— Вообще-то одна из моих пациенток, а так — адвокат. Очень хороший человек. Вот она и посоветовала взять адвокатом к Коле Бориса Алексеевича.

— А почему же сама за это дело не взялась?

— Вы знаете, дело очень непростое, ведь следом за обвинением в сбыте наркотиков Коле предъявили обвинение в присвоении денег областного телевидения. Лариса Матвеевна сказала, что Андреев — это ваш папа, как я понимаю? — обратилась Мария Гавриловна к Лиде, — что он лучший адвокат в Булавинске.

— Не знаю, но без клиентов он никогда не сидел, — дипломатично ответила Лида.

— Извините, Мария Гавриловна, значит, вам рекомендовала Андреева его коллега? — спросил Гордеев, который уже познакомился с нравами своей среды, где не очень-то охотно передавали дела друг другу, во всяком случае, не шли на это без крайней необходимости.

— Конечно, она, я же сказала, — удивилась тетя Новицкого. — И я ей очень благодарна: Борис Алексеевич очень энергично взялся за дело.

— Но, наверное, и Лариса Матвеевна — неплохой адвокат? — гнул свое Гордеев.

— Хорошая. Но она же старалась помочь мне наилучшим образом.

— Понимаю, понимаю. Но видите ли, я адвокат молодой, опыта у меня пока не ахти как много, к тому же нужно теперь выручать Бориса Алексеевича. Мне необходимо будет встретиться с Ларисой Матвеевной. И чем раньше, тем лучше. Может быть, завтра.

— Пожалуйста. Я вам дам телефон.

— Хорошо, но, может быть, в нынешней обстановке было бы лучше, если бы вы позвонили и условились встретиться с ней. Ну, чтобы она никуда из дому не ушла. А подойду я — или вместе с вами подойдем, если вам это будет удобно...

— Да, мы живем не очень далеко друг от друга. Я могу позвонить ей прямо сейчас.

— Пожалуйста.

Лариса Матвеевна была дома.

— Ларочка, — почти зашебетала в трубку Мария Гавриловна. — У меня появилось для вас кое-что новое. Удивительное средство. Небольшой курс, а улучшений нельзя будет не почувствовать... Да нет, не стоит вам затрудняться. Я завтра буду в ваших краях и могу занести. Нет, нет, это пустяки. Заодно и посмотрю, как вы выполняете мои предписания... Я могу в одиннадцать. Хорошо, в половине двенадцатого. Это даже удобнее. — Все в порядке, — сказала Мария Гавриловна. — Она будет ждать меня. Вы знаете, по-моему, когда арестовали Бориса Алексеевича, Лариса Матвеевна очень сильно переживала. Ведь получилось, что по ее рекомендации человек попал в переделку...

— Вы знаете, это и так, и не так, — возразил Гордеев. — Существует довольно распространенное и вместе с тем и уже потому достаточно неточное, мягко говоря, мнение, что адвокат — всего лишь борец за гонорары. Риск его, мол, исчерпывается лишь опасением, что клиент недоплатит или не заплатит вовсе. А на самом деле адвокат рискует немногим меньше, чем, скажем, сотрудник ГАИ. История адвокатуры знает немало настоящих драм и подлинных трагедий. Вот и случай с Борисом Алексеевичем тому подтверждение.

— Я-то это теперь хорошо понимаю, — развела руками Мария Гавриловна.

— Вот и попробуем разобраться с тем, что произошло с вашим Николаем. Мне ведь пока не дали свидания с Андреевым.

— Ну, я знаю не так много.

— А все же? Для начала хочу понять последовательность событий. Николай арестован, грубо говоря, как торговец наркотиками. Об этом узнает его жена и приезжает в Булавинск. Вместе с вами нанимает адвоката — Андреева. А дальше? До ареста Андреева?

— Коле предъявляют и второе обвинение, как я уже сказала, в присвоении телевизионных денег. Думаю, этот бред возник потому, что Борис Алексеевич стал разваливать обвинение по наркотикам.

— А откуда вообще вылезло это областное телевидение?

— Ну, во-первых, у нас в Булавинске есть его филиал, и частые поездки Коли в Булавинск связали с тем, что он тут крутил деньги телевидения. Хотя ходили слухи о другом, что через это телевидение отмываются деньги булавинских криминалов. Как, впрочем, в области телевидение давным-давно служит усть-басаргинским уголовным авторитетам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.